



ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК



ИЛЛЯ ПАВЛОВ

ДРУГАЯ
ЖИЗНЬ

Илья П. Павлов

Другая жизнь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10855500
Другая жизнь: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2009-4

Аннотация

Некогда богатая страна теперь разорена страшным мором. Немногие выжившие пытаются наладить существование. Кто-то хочет вернуться к старому укладу, другие ратуют за новую жизнь. Другую жизнь. Одиночка, лишившийся всего, примыкает к отряду таких же изгоев, которые не могут найти себе достойное применение. Куда они вместе скатятся? К разбойникам или наемникам? К ночному ужасу или к «благодному свету»? Слова и раньше ничего не решали. Только меч. А теперь? Может, умная голова наконец-то победит в этом мире? Новом мире.

Илья Павлов

Другая жизнь

Посвящается Ольге Лансковой, которая не успела прочитать эту книгу

Когда твоя жизнь ничего не стоит, не пытайся продать ее, просто поменяй на другую.

Бор Гленн

16 жменя 315 года. Вечер. Дорога на Лысые перелазы. Учитель

...И домчаться под начинающимся дождем до скирды с сеном. И нырнуть туда вдвоем, разгоряченными от бега. И броситься друг к другу. И все вспыхнет и останется вне понижения и вне времени. И промчавшаяся гроза, и ночь, и само бытие. И вжаться в это теплое и мокрое. В круглое и горячее. В бесконечно вкусное. И пропасть друг в друге. И перепутать, где ты и где она. И выбежать в холод, вдохнуть ночного звенящего воздуха, и броситься обратно. И отдать. И взять. И поменяться. И плакать от такой возможности. И невозможности. И жить. И снова чувствовать. Тепло. Холод. Мягко. Упруго. Вкусно. Забыть все. Снова родиться. И... и... и...

17 жменя 315 года. Утро. Сотия. Учитель

Судя по сверкающему солнцу, уже далеко за полдень, но в стогу было еще прохладно. Какие-то пичуги щебетали неподалеку. Надо вставать. Лень. Впереди прекрасный день и, наверное, прекрасный вечер. Нет, надо вставать. Или не надо... Впервые за последние пять лет жизнь остановилась в каком-то порядке и, чего греха таить, блаженстве.

Ощутил эту мысль, повертел в мозгу и понял: все-таки что-то беспокоит. Внутри? Нет. Про жизнь? Нет. Нега и сон уходили. Беспокойство нарастало. Высунулся из стога, на поле до самого леса – никого. Влез обратно, стал одеваться и тут же понял, *что* беспокоит. Запах. Снаружи явно пахло свежей гарью, не дымом уже, а именно гарью. Что-то недавно сгорело, и ветер нес запах свежего пепелища.

Деревню из-за леса не видно, но сгореть могло только там. Быстро обулся, похлопал по щекам, приходя в себя, и побежал, на ходу оправляя одежду. Опять баня чья-то сгорела. Праздники... Паримся, пьем, опять пьем, опять паримся, потом потеем, таская ведра на пожар, и коптимся, пытаюсь потушить хоть что-то. Народная забава. Причем каждый месяц.

Надо все-таки что-то придумать с этими пожарами... Ха, сделать пожарную команду, как в Корронне! С черными лошадьми и бронзовыми касками. И колоколом. Вот только колокол и удастся тут, так как пожарная команда и будет самая пьяная. Точно, куплю колокол на базаре в этом году, повешу на площади; хоть что-то.

Жук влетел в рот на бегу: я выплюнул, но горечь осталась. Ветер все явственнее нес дым. И пахло не только горелым деревом, но и бедой – спаленным жилищем, горелыми тряпками и волосами. Что ж они там учудили!..

Голова почти проветрилась ото сна, мозги включились. Сразу стала ясна еще одна непонятность. Тишина. Отсюда уже были бы слышны ругань, вой скотины и крики. Что же я проспал? «И был покой, но в тот момент мы спали»... дальше уже и не помню, а ведь учили всю поэму наизусть. Надо перечитать и своим задать на лето. Всю. Целиком. Пусть учат. Вот брюзжания будет...

Взбежал на пригорок – и обмер. Центральных домов не было, только пепелища догорали. Ближайшие дома стояли, но с выбитыми стеклами и поваленными плетнями. По всей улице валялись тела. И никто не двигался.

На деревянных ногах начал спускаться по дороге, и сразу же справа у большого камня увидел ее. Наверное, она, торопясь утром, выскочила прямо на них – тех, кто сидел за камнями и ждал рассвета. Трава была вытоптана, валялись обрывки тряпок и огрызки овощей.

Присел на корточки; еще в надежде, что живая, потащил тело из-под камня. Голова мотнулась как у куклы, повернулась в мою сторону, и неживые глаза, с выражением бесконечного удивления, не мигая, посмотрели в небо. Губы разбиты, руки ободраны, а одежда разорвана. Скорее всего, схватили, заткнули рот, чтобы не закричала, повалили, потешились, а потом недолго думая просто ткнули ножом под ребра. И крови-то вытекло совсем немного.

Попытался поднять, не смог. Упал сам, из горла вырвался какой-то непонятный то ли стон, то ли рык. Аккуратно положил на траву, запахнул сарафан, взял за руки. Правый кулак зажат: тихонько разжал его. В ладони остался пук огненно-рыжих волос. В деревне таких бород не было. И нигде поблизости.

Встал, посмотрел на деревню, снова сел. Только сейчас подумал: может, они еще там. Подобрал булыжник и стал спускаться. Булыжник против нескольких вооруженных и готовых на все человек. Нет, не человек, нелюдей. Все равно, добраться хоть до одного. Рыжего. И сделать мертвым. И чтоб глаза вот также недоуменно смотрели в небо.

Кто же это... Как можно?! Весь мир, еще час назад такой цельный и красивый, рухнул, распался и обратился пеплом. Людей резали сонных, прямо в домах, непонятно зачем. Конечно, всей деревней могли оказать сопротивление. А так – перережь поодиночке и грабь.

Возле колодца, привалившись к нему, сидел Седой. В руках старика вилы, а в груди торчит арбалетный болт. Услышав меня, Седой вздрогнул и открыл глаза.

Я подскочил к нему, упал на колени, не зная, что делать.

– Седой! Дед! Что? Кто это?

Глаза его с трудом сфокусировались на мне.

– А, Учитель... живой... – и снова прикрыл глаза.

– Дед, дед, что сделать? – Я попытался положить его на землю, но он захрипел.

– Не трогай; все, отхожу, – снова открыл глаза он. – Учитель, кто-то жив еще?

– Не знаю, не вижу. Кто это был? Куда пошли?

– Да расслабились мы. Забыли, как это бывает. Разбойники какие-то. Или наемники. С Лысого перелаза пришли, по пыли на обуви я понял. Значит, вниз пойдут, к людям. Человек десять. Оружия много. Главным – рыжий у них. – Седой забулькал кровью изо рта, заперхал мне в лицо. – И еще двое рыжих. И бабы есть. Тоже с оружием. А мы – как дети. Проспали. Сытно жить стали, Учитель. До мора все с оружием спали, колотушник дежурил.

– Зачем, что с нас взять!.. – Я чуть не орал.

– Холодно. Как зимой. Вот как оно – умирать-то... Скотину выпусти. А нас всех в дом снеси и сожги.

– Я в городок побегу, в Регу, за помощью, быстро, – вскочил я. – И этих чтоб поймали...

– Стой, дурак... Они на наших конях уже вечером до тракта дойдут. Ищи их там... А нас ночью лисы обгрызут, будем тут без лиц валяться. Жги. Посмотри, может, еще кто живой.

Я бросился по деревне. Стал орать. Без толку. Только коровы начали мычать во дворах. Людей не было. Живых. Большинство порублены по домам, лишь некоторые успели выскочить на улицу, и там были проткнуты мечами или стрелами. Разбойники явно обыскали деревню полностью, убив всех.

Во дворе Большого наткнулся на всех его детей. Брошка, Веснянка, Сизый, Огурец. Все лежат на пороге дома. Сам Большой, с окровавленным топором в руке, припилен бол-

тами к входной двери. Из сеней торчат сапоги. Одному он все-таки успел разбить голову. После удара Большого лица убитого не рассмотреть. Обычная военная кираса, без шлема, неплохой меч. Арбалет разбит ударом и валяется рядом.

Подобрал меч и, стараясь не смотреть на детей, вышел на улицу. Пожарище снова разгорелось. Огонь подобрался по забору к бане Головы, и теперь весело потрескивал.

Седой держался левой рукой за болт в груди, то ли пытаясь выдернуть, то ли, наоборот, удерживая его.

– Никого. Даже детей. – Я бросил меч перед ним, сел рядом.

– Воды дай.

– А можно?

– Мне теперь все можно. В последний раз.

Подержал ведро у него перед лицом, потом намочил ладонь, протер лицо.

– Давай перевяжу.

– Не мельтеши. Все сделано. Ты где сам был? – Седой снова закашлял, стараясь сесть поудобнее.

– На выпасе, в стогу спал.

– Один, что ли?

– Не один. Она утром ушла. Убили.

– Кто «она»: Солнце, что ли?

Я промолчал. В груди натягивалась железная струна. Натянулась, но не лопнула. Зазвела непонятным взвизгом. И как жить дальше? Зачем? Хотели зимой перестраивать школу. И устроить детское представление на ярмарке. Брошка должна была играть лесную царевну. Струна натянулась еще на полоборота колка.

– «Без домов, без могил...» – попытался напеть Седой.

– Что?

– Песня хорошая была... да ты, наверное, знаешь, Учитель.

– Нет, не слышал.

– Да ну?.. Я думал, ты все знаешь. Видишь, даже, где спрятаться от смерти, знал.

– Лучше бы тут, вместе...

– Не дури. Кто-то должен отомстить. Жди. Готовься... – Голос стал еле слышен. – Давай собирай, а то к темноте не успеешь...

Носил тела в дом Седого. Он сидел к дому спиной. Несколько раз подходил к старику. Тот впал в забытие, что-то бормотал, даже смеялся. Умер уже в темноте, когда я, весь облитый чужой кровью, нес последнего... Последнюю. Солнце. Положил ее возле старика, не в силах внести в дом, полный смерти. Так и просидел всю ночь, освещаемый горевшими домами.

Рано утром приехали две телеги с Последнего хутора. Увидели отсвет пожара ночью, решили узнать, что у нас так весело горит второй день. Шило, высокий мужик, с сыновьями, и пастух Моть: была его очередь выводить стадо.

Я не запомнил почти ничего. Мужики отнесли Седого и Солнце в дом. Запалили. Моть занялся скотиной. Сыновья Шила, оба – мои ученики, распрягли коней. Один рванул в городок, второй – домой на хутор, предупреждать людей.

Шило сел рядом, откупорил баклажку, сунул мне в руки:

– Пей; надо, паря, надо.

Пил, сам не знаю что. Потом долго мылся у колодца.

– Хорошо сделал, в огонь всех. К нам поедешь? – Шило достал из котомки вторую баклажку.

Я помотал головой. Добрел до дома Беспалого, у которого жил в пристройке. Вещи раскиданы. Но почти все целы. Денег нет. Взял старый кожаный ранец, с которым прие-

хал сюда пять лет назад, засунул старую университетскую куртку, несколько книг, тетради. Потом вытряхнул книги обратно, оставил только одну, философа Бора Гленна. В хозяйской половине сгреб, что нашел съестного. Вернулся к колодцу, подобрал меч.

– Где чужой? Тоже там? – кивнул на горящую избу.

– Нет. – Шило с укором смотрел на меня. – Ты что удумал, Учитель? Не поймать их, поверь уж мне. Коней в любом городке сменяют, вещи пропьют. Пусть начальство решает.

– Я теперь начальство. Решать буду.

– Да ты овцу вон зарезать не можешь, тошнит тебя потом, – Шило хмыкнул, – а ты их даже не видел. Приедут из Реги от графа, что говорить будешь, Учитель?

– Нет больше Учителя. Умер. Ты с начальством будешь говорить. И скажи, что всех побили, до одного. И своим, прошу, передай: все умерли.

5 коротка 315 года. Полдень. Висек. Второй

Как всегда, ни времени, ни денег. С деньгами-то ладно, не в первый раз, разберемся. Но время... Получили заказ на охрану. Кого? Барон со своими людьми сами кого хочешь поохраняют. На убийство. Кого? Кабана? Так он сам кого хочет убьет.

– Не кипятись ты, – это Старшина мне. – Ты, как всегда, все всерьез воспринимаешь. Нас специально попросили ничего не делать и никуда не встречать. Барон понимает, что вряд ли мы завалим Кабана, и уж тем более не полезем в драку с местными.

– И что? А денег кто даст? И людей осталось – тьфу; скоро обычной шайкой станем.

– С людьми – да... Давай найдем. Кинем клич по городку, вдруг кто найдется. Хоть человека три. – Старшина вытянул ноги.

Совсем сдает. Голова еще работает, а с ногами и руками – беда. Ладно, нам его в бой не посылать, а с заказчиками разобраться еще вида хватает.

– Три... Придут семь, как всегда. Троим из них и подводу нельзя будет доверить. Двое, получше, сбегут, когда поймут, что мы не грабим и не режем всех подряд. А двое оставшихся в первой же переделке лягут. Некогда учить, Старшина.

– Это неправильно. Давай так. Взяли людей – и каждого к кому-нибудь из старых прикрепили. И под приглядом, и учеба какая-никакая. – Командир стал растирать колени.

– Кто ж из наших на это пойдет? Обуза лишняя.

– А ты попробуй. Может, что-то получится.

Получится, как же. Городок-то – на большой дороге. Кто хотел, уже давно при работе. Барон местный, опять-таки всех, кто мечом умеет махать, под себя подгреб. Да и в городском ополчении тоже места есть. Грызутся друг с другом. Барон требует подчинения. И денег. Городские купцы артачатся. Где ты был, ваша светлость, пока мы от мора отходили, городок поднимали, торговлю налаживали? В замке сидел. А теперь, когда на ноги встали, – должны платить тебе исконное... Да, времена другие.

Еще Кабан объявился. Говорят, что он тоже бывший барон. А теперь бесчинствует на тракте. Дань собирает с караванов. Попробуй не дать. Отряд хоть не большой у него, так сам тридцати стоит. Здоровенный, как дракон, умеет мечом махать, да еще кольчуга его знаменитая... Черная, страшная. А главное, мало я видел кольчуг, которые арбалетный болт с пяти шагов выдерживают.

Помню, Сержант рассказывал, что был у них в полку какой-то благородный с кирасой, которую стрелы не брали. Но, говорит, если в упор всадить, человек все равно отлетает. Сила у арбалетной стрелы страшная. А Кабану хоть бы хны. Не падает, на ногах стоит, мечом машет.

Вошел Сержант. Вот кто смог бы с Кабаном схлестнуться! И здоровущий, и оружием владеет. Всю жизнь при мече.

– Сержант, – поднял голову Старшина, – сходи в кабак местный, скажи, что людей нанимаем в отряд. Вдруг дураки найдутся.

Сержант хмыкнул, повертел коротко стриженной головой, по которой переплетались страшные шрамы, взглянул на меня.

– Швали да пьяни найдем, не лучше. Нам это надо?

– Да вот командир говорит, что надо. Учить их будешь. Хватит пайку сержантскую задаром жрать.

Все рассмеялись. Сержант снова покрутил головой.

– Учить – оно, конечно, хорошо. Было бы кого.

– Сходи, сходи, – Старшина принялся за вторую ногу, – заодно узнай, где Кабана последний раз видели.

6 коротка 315 года. Утро. Висек. Лиса

Купила себе и ему поесть. По правде, я ему теперь должна до конца жизни выпивку ставить. Но от рома он отказался, попросил две кружки чая. Одну выпил сразу. Потом придвинул тарелку и слегка поморщился.

– Чего ты, суп не любишь? – спросила я.

– Нет, все нормально, спасибо, – и стал хлебать. Он прибил к нашему обозу в Залустье. Пытался найти работу, да кто ж незнакомца возьмет в караван? Разрешили идти вместе, и то хорошо. Видно было, что не боец, хотя и с мечом. Кирасы нет, шлема нет, ранец какой-то стремный. На постоялом дворе, где к нам подошел, отрабатывал ужин и ночлег: чистил конюшню. Худой, высокий, лицо интересное, но глаза – как после мора у всех были. Когда из семьи один в живых остаешься – вот так же на мир смотришь. С вопросом. Зачем и почему. И как жить дальше. Всю дорогу шел следом за повозками. С дровами помогал, у костра сидел, но еды не просил. Видно было, что голодает, да не принято за просто так кормить. Лешак только раз полкраюхи хлеба ему дал, когда он помог лешаковский воз с лужи вытянуть.

Я сама была на птичьих правах. То ли служанка при обозе, то ли охранница жены начальника, чтобы та в лес могла сбегать под приглядом. А судя по взглядам хозяина, еще и он сам на меня виды имеет. Да жена пока мешает. Надо в первом же приличном городке уходить от них. И что? Опять мыкаться. На первое время, правда, деньги есть. А потом? Что умею? Стрелять. Спасибо отцу, лучшему охотнику Восточного леса, егерю Контулука, что научил. Кто в наемники женщину возьмет... А через постель не хочу. Готовить умею – так какая баба не умеет? Зверье отслеживать – здесь это не надо. Вот и вся моя жизнь.

Так и добрались почти до этого городка. Дня не хватило. Смотрим, на дороге две женщины стоят. В нарядных платьях, с зонтиками, прямо как на картинке из книжки про баронессу Литу, дома у нас была. Нас с братом по ней читать учили. Ну меня в основном. Картинки смотрю, буквы запоминаю. Брату только один рисунок нравился, там, где охотники в блестящей броне на красивых конях загоняют контулукского тигра. А отец смеялся.

Вот, стоят две красавицы. Все наши охранники на них и вылупились. Пялились, пока справа и слева не свистнуло, и половина сразу свалились, со стрелами, торчащими в разных местах. И сразу люди на дорогу выскочили. Вроде и немного, да драться никому не хочется. Мы сгрудились вокруг повозки хозяина, а со стороны нападавших вышел высоченный воин в черной страшного вида кирасе, в шлеме, полностью закрывающем лицо. Шлем украшало черное перо.

– Кабан, – зашептались охранники, – Кабан это.

– Четвертую долю – и останетесь живы! – закричал черный. – За проход надо платить.

– А не много ли?.. – заскрипел хозяин зубами. – Четвертую даже графу не платили.

– Ух ты: цены знаем, да? – Черный рассмеялся. – Ладно, как обычно – десятую. И вот эту женщину. – Кабан ткнул рукой в хозяйскую жену. Та оцепенела.

– Эту не отдам, – хозяин задернул супругу за спину, – могу дать другую, помоложе.

Я напряглась, младше его жены в караване была только я. Да как он смеет...

– Хорошо, договорились. – Черный махнул своим людям: – Забирайте золото и женщину.

Я не успела опомниться, как два наемника схватили меня. Начала отчаянно брыкаться, но держали крепко. Связали как тюк и бросили за телегой, чтобы не мешала. Проходившие мимо бывшие попутчики стыдливо отворачивались. Сволочи. Молча ревела, глотая слезы. Сволочи. Твари.

Впереди каравана вспыхнула перебранка. Кабан затребовал еще и подводу, чтобы отвезти награбленное добро. Вот бы они там поубивали друг друга...

Кто-то дернул меня за ноги, попыталась пнуть.

– Тихо, не шуми, – прибившийся к нам парень, не поднимаясь, на четвереньках, стал оттаскивать меня за крайнюю телегу. Поможет? Или, наоборот, даст по голове и выпотрошит карманы, пока другие не догадались?

Впереди шумели, но уже потише; видно, договорились. Парень вытащил нож, чтобы освободить мне ноги, но тут прямо над нами показался Шпынь, один из охранников хозяина. Увидев нас на земле, он выматерился и потащил меч из ножен. Парень, не раздумывая, воткнул нож ему в ногу, пригвоздив стопу к земле. Шпынь заорал. Мой неудачливый освободитель выглянул из-за телеги, оглянулся и, видно приняв решение, поднялся в полный рост, взвалил меня на плечо и рванул в лес. Сзади заорали. Хорошо голова оказалась за его спиной... но на заднице и ребрах синяки держались с неделю. Так быстро, как он, я сама по лесу никогда не бегала. Парень сначала продрался через придорожные кусты, а потом, когда они нас заслонили, резко повернулся и побежал вдоль дороги. Несся как конь, за поворотом резко перебежал дорогу и снова ломанулся в чащу. Ветки лупили как следует. Хорошо хоть здесь не северный бор, а листовянка, поросшая вдоль дороги и более-менее проходима в глубине леса.

Свернули снова; теперь мы были с другой стороны от места засады. Хитрый, бродяга... Сглазила. Запнулся, чуть не уронил и сам чуть не упал. Остановился, снял меня на землю, лег рядом. Пыхтел, стараясь отдышаться. Вытащил меч, стал резать на мне веревки. Надо же, ранец свой не бросил, а мои вещи теперь пропали. Хорошо хоть все деньги были на поясе. Вещи что, жалко было только отцовский арбалет. Сломанный, тащила с собой, думала, найду приличного кузнеца, поправлю. Не судьба.

– Бежим, по следам найдут. – Я вспомнила свое охотничье воспитание. – Ты там столько веток посшибал... моей задницей.

– Ну извини, я не хотел. Бежим.

– Стой. Куда ты?

– Зачем по лесу? Бежим вперед них на дорогу – и в городок. Впереди искать не будут, а в городке должна быть власть какая-то.

Вот ведь умный какой. Я бы сейчас полдня по лесу шарахалась, пока поняла, куда податься. А тут – самое правильное решение. Сзади слышались голоса... Мы добежали по лесу до следующего поворота, выскочили на дорогу и рванули вперед. Бежим, дышим, друг на друга посматриваем; у ручья поймал меня за руку.

– Стой. Умоюсь. Хорошо бегаешь. Где наловчилась?

– Отец егерем был. Всю жизнь по лесу бегаю.

– Всю жизнь... – передразнил он, – лет-то тебе сколько, баронесса Литя? Знаешь, была такая баронесса, страстная охотница. Все время по лесам ездила, диковинных зверей искала. Литой звали.

- Да, знаю. Охотница. Спасибо тебе. Меня Лисой зовут. А тебя?
- Теперь уже и не знаю. Как назовешь.
- Буду звать тебя Доходягой. Когда ел последний раз?
- Вчера вечером. Гриб пожарил. Доходяга так Доходяга, сгодится.
- Спасибо, Доходяга, ужин с меня.

До городка дошли только на следующий день. От встречных прятались, наш караван так нас и не догнал. В таверне оглядели нашу потрепанную одежду, но поесть дали. Сидим, хлебаем луковый суп.

– Что дальше делать будешь? Ты вообще куда направляешься? – Спасение спасением, но надо сразу дать понять, что кормить его всю оставшуюся жизнь не намерена. Усмехнулся.

– Людей одних ищу. Только где они, не знаю. – Он опять посмотрел к себе в миску и перекопился. Отставил, взялся за чай. – Поищу здесь какую-нибудь работу. Потом пойду дальше. А ты?

– Не знаю. Надоело скитаться. Пристать бы к кому-нибудь... да кто возьмет – чтоб без глупостей?

– Да, без глупостей мало кто возьмет, – опять усмехнулся. Смаковал пустой хлеб, как праздничный пряник. – А что делать умеешь?

- Стрелять. Из арбалета. По следам ходить. В лесу. По степи – хуже. А ты?
- Да почти ничего. Как оказалось.
- Бывает. Ладно, пойду поброжу по городку, если найду что-нибудь, позову.
- Спасибо.

Нашел, как ни странно, он, а не я. Когда пришла без сил обратно в таверну, он сидел за столом с двумя здоровенными наемниками, о чем-то их расспрашивая. Наемники отвечали неохотно. Наконец высокий дядька с огромным мечом и старой, по виду готовой вот-вот расползтись кольчуге, махнул на него рукой и что-то грубо спросил. Доходяга аж привстал, потом ляпнул что-то такое, от чего сидевшие за столом заржали. Второй наемник хлопнул его по плечу. Я подошла уже совсем близко и услышала дальнейшее.

– Да, Сержант, – продолжал смеяться хлопнувший, – этот нам подойдет. Не мечом, так языком будет махать. Пригодится. – И он плескнул в кружку из-под чая, что стояла возле Доходяги, из своей бутылки.

– Я только стреляю не очень, а с мечом очень давно не тренировался. – Доходяга понюхал кружку и сделал вид, что пьет. Мне сзади было видно, что он только намочил губы. Из вежливости. Хитер, бродяга.

- Тренировался... – Сержант ухмыльнулся. – Кто ж был вашим тренером?
- Да был один. Бывший солдат. Из Контулукского гвардейского.
- Сержант поперхнулся ромом и переглянулся с напарником.
- Неплохо. Строй держать? Атака уступом?
- Да почти ничего не помню. Больше просто фехтовали. Для удовольствия.
- Для удовольствия... У нас одно удовольствие – целым к вечеру остаться. – Сержант допил. – Ладно, там посмотрим. Пойдем к Старшине.

Доходяга обернулся и увидел меня.

– Да, Сержант, – с ходу продолжил он, – вот могу порекомендовать еще человека. Стреляет из арбалета, как баронесса Лита. И следопыт отменный. Тоже работу ищет. Возьмите.

Наемники уставились на меня. Второй из них рассмотрел мою куртку, повидавшую больше, чем у некоторых за всю жизнь бывает. Особенно его заинтересовала стрелковая нашивка под приклад арбалета на правом плече. Каждый пришивает ее по-своему. Он перевел взгляд на Сержанта и одобрительно кивнул головой.

– Ну-ну, – Сержант махнул рукой, – баронесса Лита и барон гвардеец. Трепещите, враги. Теперь мы всех порвем.

«Без домов и могил,
Лишь с мечом на плече...»

Доходяга снова подпрыгнул.

– Что это? Что за песня? Откуда?

Сержант не ответил, бросил на стол монету, махнул нам, чтобы шли за ним, и потопал к двери.

6 коротка 315 года. Полдень. Сержант

Сестру она мне напомнила. Только та была не рыжая, а русая. Я пошел в отца, здоровый и тупой, а сестра, как и мать, была тонкой, гибкой, веселой и шептливой. Пели они песни вдвоем – заслушаешься. Долго отговаривала меня от службы: мол, и здесь пригожусь. А что в нашем городке было делать? Не знаю. Но жалею, что ушел. Мор они пережили. Погибли сразу после. Вряд ли я смог бы их защитить. Но вдруг?..

А так, двадцать лет службы, включая Контулукский гвардейский. Там, правда, не прижился. Скучно. У меня тогда уже сержантские нашивки были. Опыт. И шрамы. Куда мне – маршировать и честь отдавать... Вот и встретил мор далеко от столицы. Пережил и его, и еще страшнее: то, что наступило сразу после него. Анархия, разбой и прочие радости дикой жизни.

Пена сошла. Слишком ретивые и наглые сгинули. Люди поняли, что все же лучше работать и торговать, чем грабить и воевать. Ладно.

Надо присмотреть за девчонкой: не дай боги, что-то случится... Не прощу себе снова.

6 коротка 315 года. Вечер. Висек. Второй

Из городка Сержант с Веслом притащили плохие вести про Кабана и пятерых человек. Эти были еще хуже вестей.

Кабан объявился где-то возле самого городка. Выпотрошил два обоза. Пострелял кучу народа. Но самое паскудное – имел встречу с горожанами. И о чем они там договорились, одним небесам было известно. Плохо. Как бы не влипнуть.

– Не бесись, уже влипли, – это Старшина. – Пошлем людей, деньги надо отрабатывать. На вооруженных и без обоза он не нападет. Обозначим движение, и все.

– И все... Пальнут из кустов! Людей и так мало. – Мой нервяк перешел все границы. Не люблю такие ситуации. Когда от тебя ничего не зависит.

– Сядь, сядь, я тебя прошу. – Старшина начал разливать по кружкам. – И ты, Сержант, сядь. Маячите тут передо мной, пользуетесь, что уже выпрямиться не могу и хлопнуть по макушке. Вот помру скоро, тогда закопаете и будете нервничать. А пока – сидим, пьем, поем песни.

Мы с Сержантом плюхнулись на скамью. Помрет он скоро... Как же. Всех нас перескрипит. И слава небесам. Без него и отряд не отряд. Отряд Старшины.

Помню, как с Сержантом прибились к нему. У меня напарника убили. А Сержант и Весло остались без денег и работы. Клиент их на руках помер, не успели довести. Вот и столкнулись все в той веселой таверне. В Тагании. В «Драном леснике». Почему «леснике»? Почему «драном»? Сам хозяин не помнил. Но то, что мы ему денег должны, это помнил. Начал выставлять за дверь. Я бы ушел, а вот Сержант с Веслом напоследок хотели там побуяннить.

Тут Старшина и нарисовался. Шепнул что-то хозяину, тот сразу скис, а нам поставил по кружке и покормил, когда понял, что голодные, как контулукские тигры.

– Люди мне нужны, – говорит, попивая свое пойло. Как он его хлебает, до сих пор не понимаю. Правда, сам уже пью. Привык.

– Надежные люди, проверенные. У меня есть человек десять, но все больше по ночам привыкли работать.

Сержант с Веслом напряглись. Воякам в разбойники переходить не улыбалось. Да и я поначалу от такой перспективы приуныл.

– Нет, вы меня, уважаемые, не так поняли, – сразу просек Старшина. Разлил по кружкам. – Делаем нормальный отряд. Без зверств и грабежа. Только чистая работа. Найм, охрана и прочее. Набираем человек двадцать, чтобы прокормиться можно было. И отбиться, если что. Вы люди, я вижу, в боях опытные. Мои ребята тертые, но все больше самоучки. Я сам многое повидал. Старшина – это не украденный чин. Отслужил.

– Где? – Это мы с Сержантом одновременно спросили. От его ответа все и зависело. Понравится – останемся. Нет – значит, нет.

– Ох, уважаемые, первый раз я «старшину» еще у старого герцога получил. В Морском полку. А потом еще три раза. Привычка, что ли. Один начальник снимет, за длинный язык, другой представит. Последний раз аккуратно в год до моря. Перед отставкой. За Перегиб.

Мы с Сержантом переглянулись. Вот ведь, не были знакомы до сего дня. А по этому взгляду все друг про друга, да и про Старшину, поняли. Бывает так. Когда одиночки в стаю сливаются, когда понимаешь, что лучше кусок от большой краюхи, чем только своя, но маленькая горбушка. А бывает и наоборот. Но не в этот раз.

За длинный язык. Как же. Потом-то мы поняли, какой «язык» у него длинный.

Да я и сам не без греха. Хорошо, что все уже быльем поросло. Притерлись. Стали жить. Не умею байки травить. У Сержанта спросите. Как и что.

– Привел пятерых. – Сержант вытянул ноги. – Кузнец из соседнего городка; кузня сгорела, разорился. Вояка непонятно какой, но зато сильный, да починить что, если надо, сможет. Его Весло будет «строить».

– Кузнец – это хорошо. Еще?

– Двое парней. Молодые совсем. Думают, что наемник – это круто.

– Ты, надеюсь, не стал их разочаровывать?

– Нет, сами сбегут. Один за Синим, за вторым Пекло смотрит.

– Они их научат, – это уже я встрял, – как волынить и за бабами бегать.

– Ничего: я сказал, что косяки молодых – это теперь их косяки. – Сержант осклабился. Вот ведь хитрая бестия! По уму, это он должен у Старшины в помощниках ходить, а не я. Играет роль солдафона. Мечи и лошадки – типа, мое. А куда править – это ваше.

– Так, а еще двое? – Старшина, как всегда, делает вид, что все идет по плану. Дали денег – это мы так и рассчитывали, не дали – это наша такая уловка. Ну да, конечно...

– Женщина.

Мы с командиром удивленно подняли брови.

Видя наше изумление, Сержант быстро продолжил:

– Стрелок. Из охотников. Весло сказал, что из настоящих.

– Ну и кто за ней присмотрит?

– Ну я могу... – Сержант старательно делал вид, что ему это не в радость, но уж если надо...

Старшина хрюкнул в кружку.

– А пятый? – перевел я разговор на другую тему.

– Этот вообще непонятный. По виду из благородных. Фехтованию его, видишь ли, где-то обучали... Но отощавший, как жердь. Карту знает, грамоту знает. Как коня в телегу

запрячь – не знает. Короче, стремный. Хотите – поговорите, но нашим его доверять нельзя. Кто за ним следить будет, не знаю. Но, может, пригодится.

– Зови его сюда. Поговорим.

6 коротка 315 года. Вечер. Висек. Старшина

Помню, в Морском походе... Холод, голодуха... жуть, одним словом. Герцог построил всех и говорит веселым таким голосом:

– Значит так, орлы!

А «орлы» уже друг за друга держатся, чтоб не упасть.

– Сегодня едим от пуза. И завтра. Два дня отдыхаем. Кого едим? Коней, кого еще. Да, бросаем все пожитки здесь. Отсыпаясь, берем все только необходимое на десять дней. Налегке за десять дней дойдем. Дойдем, дойдем. И там нам дорого заплатят за каждого съеденного сегодня конягу.

И что ты думаешь? Взяли по мешку на плечи. Кто оружие, кто остатки еды. Поровну поделили – и вперед. В нашем десятке друг другу помогали. Один если к вечеру ослабеет, то его груз делили, чтобы до ночлега доковылял.

Ну вот. Утром собираемся. Все уже готовы выйти. Тут я смотрю, из-под лапника, на котором спали, что-то торчит. Пнул ногой, а там лошадиная нога, вялая. Вчера одного нашего облегчили, так он решил, что теперь его пожитки мы все оставшееся время нести будем. Мужики его чуть не порвали. На ужине повар каждому по кусочку делит, а тут столько мяса забыть: вся наша жратва на три дня вперед!

Так что, если хочешь, чтобы тебя уважали, помни, что несешь и за что отвечаешь. По жизни так.

Что? Дошли или нет? Ну я ж сижу перед тобой... За коней? Да. Герцог запретил им лошадей пять лет держать. На себе пахали. Коров в телеги запрягали. Зато тяга к бунту пропала надолго. Не балуй. Пока герцог старый жив был, все это помнили хорошо. «Ибо одно только право есть у корроннского герцога: держать страну в целости, а людей – в порядке и сытости. И другого ему не дано на вечные времена»...

9 коротка 315 года. День. Северный тракт. Сержант

Выдвинулись. Старшина приказал на рожон не лезть. Спокойно дойти до первого ночлега. Бряцать оружием. Делать вид очень грозных вояк. И все бы хорошо... да только вскоре догнали караван, и купцы, не будь дураки, подстегнули своих лошадок, чтобы до темноты ехать, не отставая от нас. Получилось хуже некуда.

Хотел уже скомандовать привал, как вдруг за поворотом навстречу вышли две одетые в нарядные платья женщины. И тут бы нам настал полный мрак и скрежет зубовый. Доходяга-новичок спас. После разговора со Старшиной и со Вторым он стал не только членом отряда, так еще командир сказал, что сам за ним присматривать будет. Во как. Из Доходяга переименовали в Старшинского подпевалу, потом в просто Старшинского. А на третий день осталось – Старший. Братья так его называли, им длинные слова не нравились. Я так звал – Старшой. Для прикола. Так и осталось. В масть, как оказалось.

Вот Старшой и заорал. Да еще таким поставленным командирским голосом, как будто всю жизнь не меньше чем линейным отрядом командовал:

– Засада! Щиты поднять! Закройся! В строй!

Я даже ругнуться не успел. Все на привычке сработало. И ведь успели! Хорошо, плотно шли и группой встать успели. Из кустов болты взвизгнули. Сразу человек десять бы потеряли. А так только Синему в плечо прилетело, остальное – в щиты. На дорогу народ стал выпрыгивать, Братья успели двоих на копыя принять, и в строй. И те не лезут, ждут. А вот и он. Кабан, чтоб ему пусто было. В кирасе своей. Но как хороша! Все бы отдал за такую.

Идет не таясь. И разбойники его подбодрились. Вперед поперли. Стоим, держим. Молодые сзади, с арбалетами. Лиса не вытерпела, выстрелила. И ведь попала. Кабану в грудь. Только звякнуло. А этому дракону хоть бы что. А народу к нему прибывает из кустов. Похоже, что не за обозом он пришел. Видать, горожане за нас ему платили.

– На колени все, тогда пощажу!

Сейчас... не дожدهшься.

– Держим строй! – командую, а сам думаю, что не выстоим. Надо как-то к телегам отступать, а то сомнут.

Братья по бокам спихивают в канаву особо ретивых, чтобы не обошли. Тут и Кабан приблизился. И меч у него под стать. И владеет хорошо. Сделал выпад, и Пекло возле меня сразу осел.

– Строй держать! – ору. И вижу, что если дыру не закроем, то надвое расколут – и все. Раз! – Старшой со щитом вместо Пекла всунулся. Молодец. Да не с мечом, а с арбалетом. Дурень.

– Куда? Брось.

И Кабан загоготал и меч поднял. Тут наши Пекло за ноги дернули сзади, чтобы из свалки вытянуть. Старшой и упал. Головой вперед, Кабану под ноги. Конец. Отфехтовался. Еще и перевернулся на спину, у Кабана под ногами. И арбалет поднял, да как им от меча отбиться... Да еще от такого.

Потом уже, через несколько лет, я его спрашивал: сам, мол, выстрелил или случайно на курок нажал? Говорит, что сам. Но по-дурному, в меч Кабану хотел попасть, из рук выбить. Чудило.

В меч не попал. А точно между кирасой и шлемом. В палец толщиной щель была, когда Кабан мечом наверх замахнулся. Болт под подбородок вошел и до шлема, только с внутренней стороны, острием достал. Даже перо, здоровое, черное, со шлема сбил изнутри.

– Шаг вперед! – командую.

А там уже со всех сторон в Старшого пытаются мечами ткнуть. Кабан-то стоит еще. Шагнули. Те отпрыгнули. А Кабан нам за спины уже и упал. Из нападавших один попытался командовать, но Лиса уже арбалет перезарядила. И все. Больше желающих покомандовать не осталось. Тут и охрана купцов сзади подоспела. Разогнали. Баб этих в платях скрутили, и еще человек пять. Две телеги с добром. Пекло жив оказался. Головой только еще месяц мотал. Оглушило его хорошо. Щит и шлем выкинуть пришлось. А Старшой, как увидел свою работу, весь завтрак в канаве оставил. Наши не смеялись. Синий хотел позубоскалить, но Братья ему по шее надавали, пока перевязывали.

Кирасу с Кабана стянули, голову для своего барона отрезали. Старшой перо черное подобрал и на свой шлем прикрепил.

– Надо их закопать. Не по-людски так бросать... – это Старшой; гляди-ка, его чуть наизнанку не вывернуло, а чуть оклемался – и права уже качает.

– Возьми вон пленных, пусть копают. Я добрый сегодня. Весло, бери Братьев, пошарьте по окрестностям. Дело сделано, пора домой. С меня бочонок рома.

9 коротка 315 года. Вечер. Висек. Второй

– Вас слишком мало. – Барон наконец-то перестал обнюхивать кружку и выпил залпом. Зажмурился. Вряд ли от удовольствия. – Если вы примкнете к горожанам, все равно мы будем сильнее. Идите на службу ко мне. Дрязги прекратятся тотчас. Сразу. Выбора у вас все равно нет. Только ко мне.

– Есть и другой путь. – Старшина тоже опорожнил свою кружку.

– Вас слишком мало. Вы не сможете здесь начать свою игру. Я видел ваших людей. Вы профессионалы, но вы устали. – Лицо барона расслабилось. Оба его советника молча кивали головами из-за его плеча.

– Мы привыкли к усталости. – Старшина коротко взглянул на меня и Сержанта.

Я снова стал осторожно наливать из кувшина в кружки. Барона перекосило:

– Вы понимаете, о чем я говорю. Душевная усталость намного страшнее. – Барон с ужасом смотрел на пойло. – Время свободных наемников проходит. А тем более – порядочных свободных наемников. Все отряды пошли на службу к каким-нибудь хозяевам. Остались только шайки, которые прячутся по лесам. Да «Зеленые братья». Да вы. Так что другого пути у вас нет.

Взрыв смеха за стеной, в общем зале, потряс комнату. Светильники дрогнули. Рев из двух дюжин глоток не смолкал. Хохотали на все голоса. Барон резко выпрямился, его взгляд встревоженно пробежал по нам.

Старшина посмотрел на Сержанта и удивленно поднял брови. Тот кивнул, отлепился от стены и вышел. За дверью уже сипели от смеха, что-то повторяя и снова взрываясь гоголом.

Советники что-то шептали барону, пытаясь не вылезать за рамки приличия. Тот кивал, не поворачивая головы, держа кружку двумя руками.

Дверь скрипнула, Сержант боком втиснулся в проем, из которого выплеснулись клубы табачного дыма, запахи еды и очередная порция хохота. Улыбаясь в усы, Сержант покачал головой с видом, что все ерунда.

Старшина поднял кружку:

– За вас, барон. Клянусь, если бы не было выбора, мы бы встали под ваши знамена. Но мы привыкли сами решать свои проблемы. Мы решили проблему с Кабаном. – Барон застыл, советники открыли рты. – Да-да, Кабан вас больше не потревожит. Мы сделали, что вы просили.

– Как? Кабан мертв? Доказательства? – Левый советник, высокий, худой, с длинными паучьими руками, не выдержав, выдвинулся из-за барона.

– Ух, мне уже не верят на слово... – Старшина усмехнулся, Советники замахали руками в оправдание. – Сержант, предъяви.

Я сдвинулся в сторону. Сержант сдернул покрывало со стула, стоящего за моим. Советники охнули.

Барон привстал, но быстро совладал с собой.

– Да, профессионалы. Убить Кабана... Это многое меняет. Кто же смог это сделать? Придавили скалой? – Барон рассмеялся. Советники за его спиной теперь шептались друг с другом.

Старшина махнул рукой в мою сторону. Ну да, как что-то выдумывать – это ко мне. Нельзя же сказать, что легендарный Кабан, гроза всей Восточной провинции, просто словил случайный в общем-то арбалетный болт. Главное, наш болт. Остальное не важно.

– Ну, – я прокашлялся, – хорошая командная работа. Отвлечение, распределение ролей, отличный завершающий этап. Кабан убит нами в честном бою. Ваша совесть чиста. Его приспешники взяты в плен. – Старшина в такт мне махал кружкой. Сержант стоял с каменным лицом, чтобы не рассмеяться.

Барон перевел взгляд на Старшину:

– Примите мои поздравления. Итак?

– Вы, барон, забыли про третий путь. Мы просто уйдем из провинции. Нам не хочется влезать в ваши трения. Рано или поздно, но вы, барон, помиритесь с горожанами. Ссора не выгодна ни им, ни вам. Силой это противоречие тоже не решить. Вы помиритесь, а крайними окажутся чужие, то есть мы. Нет. Лучше без работы, чем с такой. Мы уходим.

– Я могу быть в этом уверен? – Барон уже с удовольствием пил из кружки. – Хотя, что я говорю... Старшина, вашего слова, слова командира отряда, вполне достаточно. И то, что вы не перейдете к моим соперникам, уже хорошая новость. – Барон со стуком поставил кружку на стол. Встал, покачнулся (советники поддержали его за локти с двух сторон) и, кивнув нам, пошел к двери.

– Барон, когда мы получим заработанное в трудах и заботах? – Старшина не был бы Старшиной, если бы не вспомнил о деньгах.

Барон, не оглядываясь, махнул рукой своим людям. Один из советников стал открывать ему дверь, что-то нашептывая. Барон в раздражении снова махнул рукой, тогда второй, длинный, вернулся и осторожно положил перед Старшиной тихо звякнувший мешочек. Оглянулся на Барона, но тот уже выходил, затем перевел взгляд на нас, и выложил еще один такой же мешочек.

– Вместе с Кабаном была женщина...

Старшина посмотрел на меня.

– Там было две женщины. – Я медлил, но Старшина положил руку на мешок с деньгами и тихонько кивнул. – Если вы готовы решить их дальнейшую судьбу, то, пожалуйста, забирайте их вместе с людьми Кабана. Нам они не нужны.

Советник благодарно кивнул:

– Если вам будут нужны лошади, обращайтесь, – и вышел. Сержант – вслед за ним.

Когда дверь за ними закрылась, Старшина плеснул в рот остатки настоя, закусил корнем и повернулся ко мне.

– Мы уходим? – Я был удивлен не меньше барона.

– У тебя есть другие предложения? – Старшина усиленно жевал корешки. – Да, солят они здесь их чудесно. Барон все правильно описал. Мы – третья сила в этом городке. Две другие объединятся и не успокоятся, пока не съедят третью. Хочешь ею быть? – Он повернулся к вернувшемуся Сержанту: – Что там?

– Барон уехал, но очень внимательно посмотрел на наши укрепления.

– Пень с ним. Чего ржали?

– Да твой Старшой... – Сержант усмехнулся, подсел к столу и протянул ко мне, вернее – к кувшину, свою кружку.

Я плеснул ему.

– Ты стал сесть, Сержант.

– Да вроде пора... – Выпил, крикнул и снова повернулся к Старшине: – У твоего Старшого наши дуболомы спрашивают: чего, мол, ром не пьешь, а тот отвечает: «Он невкусный».

Я засмеялся.

– Как он вообще сегодня? – Старшина тоже усмехнулся, дожевывая последний корешок.

– Трясется, отходняк его колотит. Первая драка – и сразу такое...

– Да, он нам фору подарил. Не подстрелил он Кабана, сейчас бы барон договаривался с горожанами, а не с нами.

За стеной снова грохнул хохот.

– Ничего, отойдет. Завтра пусть ходит со мной. Навестим горожан, заберем долги, купим подводы.

– Надо решить, где будем продавать лишний скarb. Здесь, с этой заварухой, хорошей цены никто не даст, – вставил я.

– Не бойся, к твоим горам не пойдем. Пойдем на север. Торговля снова налаживается. А караваны грабят по всему пути. Без работы не останемся. Охрана нужна будет всем.

– Это ж сколько топать! – Я только сейчас понял, что Старшина все решил уже давно, и отказ влезать в спор барона и горожан – лишь повод, чтобы уйти из этой провинции.

– А мы не спеша... – Старшина выплюнул твердый корень. – Пойдем, кольчужку Кабанию посмотрим.

– Хороша кольчужка, мне бы такую. – Сержант допил свою порцию.

– А ты у моего попроси. Он вроде не жадный...

9 коротка 315 года. Вечер. Висек. Старшой

Сержант привел нас в отряд. Всех новичков распределил между ветеранами. Лисе сказал, что сам за ней будет присматривать, чтобы к ней никто с глупостями не лез. А на меня только махнул рукой. Жди, мол.

Через какое-то время позвал к командирам. Старшина, весьма старый уже мужичок, с пронзительными глазами под лохматыми седыми бровями, в выцветшей куртке Морского полка, очень теплой и с вшитыми железными пластинами вместо брони. Его заместитель, по прозвищу Второй, очень нервный по виду, худой и жилистый, в полной красивой броне, осмотрел меня очень неприязненно. Старшина долго расспрашивал меня про Корронну, просек, что я был там студентом. Остальные года его не заинтересовали. Дожил – и славно. Достал какую-то старую потертую карту, расстелил на столе и стал пытаться по обозначениям. Карта была рукописная, сухопутная, но с морскими знаками. Сначала я думал, что меня просто проверяют, но, судя по тому, как они со Вторым стали спорить и махать руками, понял, что это давний спор и я просто доказываю чью-то правоту. Старшина впал в ступор, когда я сказал, что это не линии высоты, а обозначения зелени – растительности на переделах. Где лес, где кустарник, где уже один мох наверху. Второй вообще не въехал в тему, мотал головой и недоверчиво хмыкал. Я сказал, что такие карты тоже бывают. По-видимому, эту карту срисовали именно с такой, не понимая обозначений, а потом уже сверху нанесли свои знаки. Второй, не поверив, говорил, что каждый год по-новому растет. Пришлось объяснить, что в горах каждая растительность не выше своей высоты выживает, и по границе можно четко понять, где находишься.

Старшина с довольным видом разлил по кружкам. Оказалось – что-то вроде егерского чая. Старый герцог любил такой. Из более качественных ингредиентов, конечно. Чай, масло, соль, сахар, чуть рому. Выпил с удовольствием. Второй смотрел, открыв рот. Старшина ржал.

В итоге приняли. Старшина взял к себе в догляд. Второй только рукой махнул. Сказали, чтоб осматривался и на рожон не лез.

На третий день вышли почти всем отрядом патрулем по дороге. Оказывается, ловили того самого Кабана, который выпотрошил обоз, где шли мы с Лисой...

После драки стали снимать с Кабана кирасу. Когда стянули шлем, оказалось, что мой арбалетный болт расколотил ему всю голову вдрызг... Только у канавы я и отдышался – так рвало. Ветераны одобряюще хлопали по плечу, мол, первый раз всегда так. Пройдет.

Вечером в таверне наступил отходняк. Трясло не по-детски. Бойцы выставили мне кувшин: за те стрелы, которые, благодаря моему воплю, прилетели в щиты, а не по ним. В горло не лезло. Чтоб не обижать отказом, рассказал пару баек. Ржали, как кони. Из командирской комнаты даже вылез Сержант: посмотреть, что у нас стряслось. Скоро выползли и Старшина со Вторым. Все мерили Кабанию кирасу. Хорошо сидела только на Сержанте, росту и мышцам у него было под стать ей. Ему и отдал. За так. Он пытался всучить деньги, но я отказался.

Второй присматривался на огромное черное перо, которое я прикрепил на свой шлем, но я сделал вид, что не понял намека. Сам поношу. Ради смеха.

Стена отчуждения между стариками и нами, молодежью, рассосалась. Через два дня вышли в дорогу уже единым отрядом. Сержант в черной кирасе был хорош.

11 коротка 315 года. Вечер. Висек. Старшина

Люблю нежадных людей. Сам такой. В могилу, кроме штанов, пары сапог и одного меча, ничего не утащишь. И то если друзья будут хоронить. А иначе и сапоги, и меч стащат. В деревне никогда ничего не выбрасывали: вдруг хоть через двадцать лет, но пригодится.

Помню, был у нас один. Из благородных. Вещи все свои стирал, при каждом удобном случае. Привычка, говорит; если грязное надеваю – чешусь весь, мол. Ну мы смеялись, конечно. Послали нашу десятку в разведку в один восставший графский городок. А ребята там серьезные оказались. Всех чужаков с пристрастием допытывали, кто и откуда. А нас и допрашивать не надо. Вышел начальник, старый хитрован с рожей жителя южных губерний, и просто понюхал. А мы за неделю похода так у костров прокоптились, что ничего и не скажешь. Не углежогом же называться... Сказали, что бродяги. Ну разбойники, короче. Нас в кутузку. А этого понюхали – мылом пахнет. Я, говорит, художник, работу ищу. А где твои, художник, краски? – спрашивают. А я только углем рисую, – отвечает. Ну начальник ему из камина уголек выкатил. Рисуй тут, на стене. Вот, думаю, и тебе стирка не помогла. А наш потер уголек об пол, наточил как-то. Раз – и на стене улица с домами и фонарем, женщина в длинном платье с зонтиком и кошка на подоконнике. И быстро так... Все рты и пооткрывали.

Нас под замок, его к графу, портрет графини писать. Вот так.

Что потом? Портрет написал, очень красивый. Успел и донесения нашему командиру послать, и графиню охмурить. Как заваруха началась, нас из тюрьмы выпустил, охрана в это время на стенах была. Ну мы и порезвились внутри. Спрашиваем, где рисовать так наловчился? Все детство, говорит, родители заставляли талант развивать, а дети другие смеялись, вот он и не любил это дело. Герцога нашего только нарисовал. Тоже углем, и не грозного, а хохочущего во все горло. Командир хотел порвать, но кто-то сказал, что герцог будет доволен, и забрал картину. И правда – герцог денег прислал. Много, и приглашение нашему художнику. Да, его в ту же неделю кондрекеры подстрелили. Мы эти деньги на поминках и прогуляли.

Чего вспомнил, так про жадность и Старшего. Этот художник наш жил по своим правилам. Если кто скажет, что ему вещь какая-то художникова нравится, сразу тому отдавал. Даже неудобно было порой. Мы уж все знали потом. А он не обижался. Бери, говорит, раз понравилась, мне тяжело будет носить. Легкий был человек. Хорошо с такими.

15 коротка 315 года. Утро. Южный порт. Глаз

Осторожно выглянул наружу. Похоже, ждать меня устали. Да и не знают они, кого ждать. Так, слухи... Один сидел, привалившись к стене хибары, второй ходил вдоль забора, борясь со сном. Где же я наследил? Или кто настучал? Узнаю – порешу. Потому и работаю в одиночку. Не люблю напарников. Вообще людей не люблю.

А за что их любить? Один человек, который за всю жизнь меня не попытался ударить, а только целовал, и то не знаю, кто это. Старая женщина. Помню плохо. Сказала, что она мне не мать, а кормилица. Я тогда и слова такого не знал. Кормилица – это же даже лучше, чем мать. В том месте, куда она ко мне приезжала раза три, тот, кто кормил, был и папой, и мамой, и любовью всей жизни. Все три раза плакала. Гладила по голове, совала вкусности всякие и плакала. Одета была хорошо, но не из благородных. Это я уже потом по крупичам вспоминал, кто и что. Пытался хоть что-то понять, откуда я и кто. Хозяин нашего приюта, если можно так назвать эту смесь тюрьмы, монастыря и детского дома, не дожил до моих расспросов. Получил несколько дырок в жирном теле. Я думаю, штук двести. Сорвался один из наших братьев. Мы все там были братьями. Пнул его отец настоятель, чтобы побыстрее с дороги убирался, а Дикий Гусь, так его звали, встал, выхватил у начальника нож с пояса и оторвался по полной. Столько крови я потом ни разу не видел. Хотя нет, видел. И не раз.

Тот, что сидел, всхрипнул. Я сразу выскочил из-за угла, даже не думая. Это мое хорошее качество. Не думать ни секунды, когда надо. Когда надо бежать, стрелять или выдерживать меч. Там, где я провел первые тридцать лет жизни, это очень пригодилось... или там и воспиталось. Приют, монастырь, армия, баронские дружины, разбойничьи шайки, каторга и прочие прелести жизни.

Выскочил из-за угла и сразу махнул по стоящему мечом крест-накрест. Этому удару меня научил Сива Бешеный.

– Если человечек без кольчуги – крестани его, – Сива жмурил глаза от удовольствия, – даже если не убьешь, то ему от боли и вида своей кровянки худо сделается. На несколько мгновений он из боя выпадет. Потом, если нужно, можно будет и кончить.

Спасибо, Сива. Много я от тебя узнал. Даже мне страшно подумать, где можно было всему этому научиться и остаться в рассудке. Хотя Сива и рассудок – это тоже не совсем подходящие друг к другу понятия.

Обернулся к храпящему, тот очнулся, но встать не смог. Мой клинок проткнул ему горло. Аккуратнее надо быть, так можно и меч сломать о стенку. А оружие надо беречь. Первый завалился и хрипел. Ткнул не глядя, звуки затихли. Присел на корточки, прислушался. Тихо. Туман полз от порта. Сырость снова принесла запахи моря. Водоросли и рыба... фу, гадость, как их едят только! Ничего нет лучше свежего кровотокающего куска мяса, подрумянившегося на огне, когда добыча еще бьется у тебя в ногах, а ты уже запикиваешь в себя этот первый, самый вкусный кусок.

Размечтался... Пора уходить. Потрошить ребят не стал, я не жадный. Почти все попадают на украденных с трупов вещах. Обойдемся. Потрогал амулет на груди. Вдохнул воздуха. На север хочу, прочь от моря. Мяса, мяса дайте!

7 пыльника 315 года. День. Восточный форт. Второй

Зачем мы сюда полезли? Большой отряд, большой отряд... Как же. В ворота не пустили, своих головорезов там хватает. Старшина подрядился двух людей из города вывезти. А как самим туда попасть?

Власть в городке держали местные авторитеты. Без их укажки и пикнуть никто не смел. Купцов пускали только с небольшой охраной.

Старшина собрал всех «стариков».

– У кого какие мысли есть?

Меня и не спрашивал, знает, что я против таких наймов категорически. И не в деньгах дело. Одно дело охрана и драка, другое – разборки среди семейств и больших денег.

– Может, ночью пролезем? – Весло любит ночью по стенам ходить. Ему что, в егерях и не на такое способны.

– Залезть, может, залезем, а людей как вывозить? Тоже через стену? – Старшина кивнул своему любимчику на кувшин, пусть разливает. Старшой с усилием выдернул пробку. Вояки оживились.

– Это не вам, – Старшина подвинул только свою и мою кружку, – пока не придумаете, не налью.

– Так на мокрое лучше думается. – Сержант не желал оставаться в стороне. Разлили всем.

– Может, просто купим кого-нибудь в городе? – Дратья мне не хотелось.

– Ага, а наши наниматели этого не пытались сделать! Тут уже все пути попробованы. Все уткнули носы в кружки.

– А купцов пускают? – Старшой подал голос из-за спин.

– Ну и?

– Одеваем кого-нибудь купцом, даем несколько человек в охрану.

– И что они там будут делать? И товар какой?
– Торговать будут, провиант покупать, все равно надо. А товар можно на тракте у любого каравана оптом купить.

– Спят...

– Ну если в первые дни не нагнать, то вполне можно попробовать. – Старшой решил до конца отстаивать свою идею.

Старшина осмотрел всех хитрым глазом.

– Так, меня и Второго они видели. Сержант в купцы не годится. Пойдет Весло. В охрану ему дадим Братьев, Тихого и Старшого, в качестве приказчика. Торговаться умеешь? Сержант, покупай две подводы с лошадьми, одежду для купцов и какой-нибудь товар. Если ни у кого других идей нет, то пробуем.

12 пыльника 315 года. Вечер. Восточный форт. Весло

Шлем и кирасу пришлось оставить. На меня надели простеганную куртку с железными пластинами. Вместо меча взял тесак и топорик. Если надо будет, я и ими справлюсь. Братья и Тихий остались как есть, наемники – они и есть наемники. Старшой достал свою куртку и испачкал руки в чернилах: ни дать ни взять – писарь, одним словом. Мне сказал надеть еще пояс с кошельком. Это точно, купчина все свое носит сам. Сержант на постоялом дворе купил нам две видавших виды телеги и пару спокойных лошадок. Там же купили два вороха кож: дубленых – на куртки, и обычных – на упряжь и ремни. Продавец в довесок сбавил тую дорожкой крашеной замши. Куда ее денем – не знаю.

Договорились со Старшиной о сроках и вышли.

Все сразу пошло наперекосяк. Одна лошадь захромала, телега начала разваливаться. Дождь чуть не вымочил товар: о том, что его надо беречь, мы и не подумали. На городских воротах начали пытаться, откуда и куда. Хорошо хоть мы со Старшим поняли, что надо говорить одно и то же, и просто описывали наш отрядный путь. Пропустили нас, на постоялом дворе слупили втридорога; как они тут живут с такими ценами... Народу много, но весь какой-то зашуганный. По городку спокойно не пройти, все время сзади топают стражники, по виду такие, что от них самих впору людей охранять. Так и есть, наверное.

Посреди площади – виселица, и человек десять висят. И в богатой одежде, и попроще. Круто берут здешние власти, хотя вроде как лихие времена закончились. А наглые, как монахи корроннского храма.

Сняли на базаре лавчонку, пытаемся торговать. Старшой разложил товар, народ зазывает, но толку – ноль. Народ шарахается. Наконец подошел местный купчина:

– У нас здесь свои порядки, уважаемые.

Ласково так говорит, но понятно, что прирежет за одну монету.

– Какие свои, уважаемый? Деньги другие? – не вытерпел я.

– Нет, уважаемый, деньги те же. Торгуют только свои купцы, а вы, уважаемый, если хотите продать, продайте нам, так лучше будет.

– Так нет проблем, уважаемый. Забирай, если цену хорошую дашь, конечно.

– Хорошую, не сомневайтесь, уважаемый.

И называет в два раза меньше той, за которую мы купили. Однако. Мы со Старшим переглянулись. Даже грубо отвечать не хочется.

– Ну как знаете, уважаемые. Если надумаете, вон моя лавка.

И пошел. И понятно, что деваться нам некуда. Старшой мне подмигнул – и за купчишкой следом, семена и что-то сзади приговаривая. Вернулся через полчаса.

– Сказал ему, что ты за грош удавишься и будешь здесь сидеть, пока все деньги не проешь. Что хочу от тебя уйти и есть ли работа в городе.

– Ну и?

– А ничего. Никто у нас ничего не купит. Будем упираться – вообще отнимут. И чужаков на работу не берут. Да, и после захода солнца ходить нельзя, любому на улице караул стрелу всадит.

– Нормальненько. Ну ночью мы и сами кого хочешь подстрелим; напугали, егерский штык им всем в одно место. И чего делать будем?

– Можно ругань устроить, на крайний случай. Всех выгоняешь, чтоб по разным местам сидеть. Хотя у них тут столько охраны, что проследят все равно. Тогда ждем пару дней, а там посмотрим. Знак бы подать этим двоим, за которыми пришли... Да как?

– Ждем.

Через два дня стало еще хуже. Деньги кончились. Хромую лошадь вместо того, чтобы лечить, пришлось продать. Братья поцапались в трактире с караулом. Никого не убили, а вот их чуть не арестовали. Судя по тому, как на нас посматривал хозяин постоянного двора, скоро нас всех повяжут. Вечером и пришли.

Виселицы мы ждать не стали, пошли на прорыв. Братья и Тихий у них на хвосте срубили четверых во дворе и ушли в темноту города. Ко мне в комнату пытались ввалиться трое. Одного принял на тесак, остальных спустил с лестницы. Хорошо, что был одет. Махнул на крышу, оттуда по конюшне дальше. И теперь, распластавшись на коньке городского арсенала, смотрел, как город встал на уши. Искали нас плотно. Всюду бегали стражники с факелами, звучали ругань и команды. Братья не стали изображать героев, пошумели на улицах и снова растворились в темноте. Думаю, что к утру доведут счет до крупного. А что потом?

И сам стал староват для прыжков по крышам. Рассветет скоро, и – привет. И Старшой пропал. Или уже порубали молодого, а он еще и без оружия, и брони. Беда. Спустился аккуратно, пробрался на площадь к нашей лавке, замка на двери не было. Приоткрыл, понюхал воздух, явно прятался не один человек, к поту примешивался запах свежей крови; значит, не Старшой. Достал топорик, сейчас поиграем...

– Не порежь никого, Весло.

– Тьфу, Старшой... А с тобой кто?

– Те, за кем мы пришли. Как выходить будем? Братья где?

– Братья бегают. Шорох наводят. – Зашел, прикрыл дверь. Старшой чиркнул кресалом. В свете фитиля увидел пожилых мужчину и женщину с испуганными глазами и небольшими тючками в руках. Старшой сидел с испарянным лицом и богато украшенным кинжалом на коленях. Из вороха кож торчали чьи-то ноги в дорогих сапогах.

– Гаси... Где ножичек такой прибрал и что с мордой?

– Было дело...

– Ладно. Пока еще темно, идем к южным воротам.

– Там же человек десять!

– Главное – дойти. Делать только то, что скажу. Идти быстро сможете?

Молчание. Эти дурни наверняка закивали в темноте, как будто я их могу видеть...

– Смогут, – подтвердил Старшой.

– Хорошо. Я первый, Старшой за мной в десяти шагах, вы за ним. Я встану, все встаете. Я лягу, все ложитесь. Я бегу, все бежите. И тихо. Тихо. Тихо.

Дошли до ворот. Заныкались в переулке. К охране постоянно кто-то подбегал, проверяя, что все нормально. На рассвете в воротной башне раздались ор и лязг. Через минуту дверка открылась, и рожа Сержанта высунулась на улицу. Слава богам. Когда шумят за спиной, надо и вперед посматривать. Охрана? Лежат теперь в живописных позах. У нас только Пекло зажимал плечо, вечно ему попадает. Перебежали к своим. Ворота открывать не стали, спустили мужчину и женщину по веревкам, так же слезли и сами. В дверку уже долбили. Поздно, ребята.

Вечером пришли Братя с Тихим. Увидели нас, помахали руками, сели жрать. Тихий матерился страшно. Говорит, только успевал после этих двух отморожков через трупы пере-скакивать. Врет, я-то его знаю: половина трупов – точно его рук дело. И так всю ночь. Под утро они еще и запалили город, и лишь потом перелезли через стену.

Старшего опять трясло. Рано ему еще в такие передряги. Помотайся без оружия по улицам, когда за тобой толпа с мечами и арбалетами бежит. Бежит с желанием тебя немножко повредить, как наш командир, помню, говорил. Так мало того, что убежал, так еще и дело сделал. Если не помрет, то далеко пойдет. Тьфу-тьфу.

12 пыльника 315 года. Восточный форт. Вечер. Старшой

Еще никогда в жизни мне не было так страшно. Днем, изображая зевачу, погулял по городку, потолкался по лавкам. Зашел в дорогой трактир, съел порцию сосисок, очень вкусно. Мимоходом нашел домик тех, кого мы должны были отсюда вывезти. Он стоял на центральной улице недалеко от рыночной площади. Небольшой особнячок, с палисадником, большими стрельчатыми окнами и резной дверью. Строили его еще в те времена, когда в городке не думали об обороне, ночных погромах и прочих радостях жизни... Во, выражение Сержанта прицепилось.

К вечеру прибрел на постоялый двор, где и увидел первую часть представления под названием: «Сейчас вас будут убивать».

Нападавшими руководил воин в легкой узорчатой броне, с узким волевым лицом и мощным командирским голосом:

– Если сопротивляться будут, всех валить! Нам пленные не нужны.

Я это услышал, входя во двор и утыкаясь носом ему в спину. Потом долго и быстро бежал, петляя, как заяц, и слыша свист арбалетных болтов и веселую ругань. Идиот. Сам придумал, сам и выпутывайся. А что, ни оружие, ни броня тут бы не спасли. Охотилось за мной человек двадцать, к тому же хорошо знавших местность, в отличие от меня.

Через полчаса бега выскочил на перекресток и понял, что подбегают со всех сторон. Еще пять секунд – и все... Каким-то непонятным прыжком, спиной вперед, перемахнул забор и упал, повиснув в колючем кусте, не долетев до земли. Замер. За оградой столкнулись две группы преследования.

– Стой! Где?

– Свернул куда-то опять, гадина.

– К северным воротам, наверное, утек.

Я уже старался не дышать. Здоровенные колючки потихоньку впивались в тело. Сердце било, как в набат. Раздался голос узколицего:

– Тихо. Здесь он где-то спрячется. Осмотреть все закоулки. Этого можно и живьем взять.

– Слушаемся.

– Сам с него шкуру спущу. Где остальные?

– Трое борзых, это которые наемники, к реке ушли. Наши там их ловят.

– Как бы те их сами не поймали. Наемнички. Пошлите туда еще людей. А купчишка?

– Влез на крышу – и пропал. Уже везде посмотрели.

– А их лабаз?

– Замок сбили, там никого.

– Искать. К воротам постоянно отправлять караулы. Утра ждать нельзя. Ищите.

Те с топотом разбежались по улицам. Колючки, похоже, уже проткнули меня насквозь. Сердце по-прежнему выпрыгивало из груди. Я был весь мокрый от пота. Было страшно повернуться: враги стояли за забором, на расстоянии вытянутой руки.

Наконец все стихло. Еще несколько минут я повисел неподвижно. Потом еще чуть-чуть. И еще. Когда боль от колючек пересилила уже все пределы и я был готов заворочаться,

за забором чиркнуло кресало. Я опять обмер. На полмгновения позже – и все. Кто-то стоял за забором, вслушиваясь в тишину. Это мог быть только узколиций командир. Пока остальные бегают – стоит, ждет. Я чуть не заплакал от боли и страха.

Вдруг в соседнем квартале послышались крики и лязг мечей, кто-то истошно заголосил:

– Здесь они! На помо...

Судя по тому, что крик оборвался, помощь не успела. Кто ж там? Братья или Весло отбиваются. Эти могут много крови выпустить местным стражникам. Весло, уже пожилой, но еще в отличной форме, обладал какими-то фантастическими приемами боя. Если Сержант в бою стоял как скала, о которую разбивались волны врагов, Братья отличались слаженностью и напором, то движения Весла всегда были скупы, четки и почти не видны глазу. Чувствовалась многолетняя выучка. И не в обозе.

На перекресток вновь выскочили люди. Узколиций их обругал и увел в сторону шума. Я со стоном стал выпутываться из колючек и вскоре свалился на землю, с поцарапанным лицом и руками. Что ж, главное – не терять скорости. Пробежав пару кварталов, перемахнул уже знакомый палисадник и постучал в резную дверь.

– Кто? Мы никого не ждем, – раздался испуганный голос.

– Я от вашего сына.

За дверью ойкнули, и она приоткрылась. Я заскочил внутрь, захлопнул дверь и привалился к ней спиной, стараясь отдышаться. В свете лампы увидел двух пожилых людей, как ни странно, полностью одетых, несмотря на поздний час.

– Где он? Он жив? – не вытерпела женщина.

– Жив, в безопасности. Прислал за вами. Собирайтесь, попытаемся уйти.

– Ворота закрыты, а днем мы под присмотром.

– Вот поэтому бежим сейчас, собирайтесь.

Они переглянулись.

– Мы готовы.

Мужчина вытащил два тючка из стоявшего тут же сундучка. Подал жене темный плащ и сам надел толстую куртку.

– Оружие есть?

Мужчина достал с полки выдавший виды арбалет.

– Не развалится? – с сомнением спросил я. Тетива, похоже, была готова порваться от дуновения воздуха.

– На пару раз хватит. – Мужчина сноровисто зарядил арбалет и передал мне.

– Идемте.

Плана не было. Все карты были у Весла. Не нашел ничего лучше, чем отвести их к нашей лавке. Если стража ее уже осмотрела, то второй раз не полезут. Открыл дверь, пропустил их вперед, зашел сам. Тут же что-то грохнуло, вспыхнуло огниво. Мужчина лежал на шкурах, а узколиций держал кинжал перед лицом женщины. Повернув ко мне голову, он удивленно поднял брови при виде направленного на него арбалета. Болт взвизгнул, тетива лопнула с противным звуком. Узколиций выронил кинжал, упал назад на кожи, труп потух. В темноте привели в чувство оглушенного. Хорошо хоть узколиций его не пырнул, просто ударил по затылку рукояткой. Кинжал с огнивом пригодятся.

Что делать дальше, в голову не лезло. Хотел уже скомандовать отправляться к городскому частоколу, но тут дверь скрипнула. Весло пришел вовремя.

Уже поздно вечером в лагере ко мне подошли Братья. Осмотрели кинжал, похлопали по плечу. Тихий протянул кружку.

– Ты везучий, бродяга.

– Бегаю быстро.

– Бегаешь ладно. То Кабана завалить, то Мола...

– Кого?

– Он тут всех в узде держал, включая местного барона. Я на конюшне когда терся, все про него узнал. Душегуб, каких мало. Сам любил казни исполнять. Весь городок ему принадлежал и все боялись. Ты ж из арбалета в чучело не попадаешь, а тут...

– Так с двух шагов! Это у меня способ такой. Подбегаешь вплотную и стреляешь.

Тихий с Братьями заржали.

– Ну тебе надо тогда с Братьями держаться. Они тебя будут вплотную подводить, а ты – кабанов стрелять.

Братья переглянулись.

– А ну вас. Я теперь только чай Старшине буду заваривать. Вот он, кстати, идет.

Подошли Старшина, Второй, Сержант и Весло.

– Хреновые вы купцы, – Старшина подмигнул мне, – ничего продать не смогли. Одни траты на вас.

Вот ведь зануда. За освобожденных, как я понял, нам хорошо заплатили.

Весло покачал головой.

– Ну не успели.

– Как не успели? – Я достал кошель из-за пазухи. – Вот. Как Весло мне сказал, что ночью уходим, я нашему знакомому купцу весь товар и впарил.

Весло опешил.

– В полцены?

– Нет, поторговался. За что брали, за то и отдал.

Старшина хлопнул себя руками по бокам:

– Во, учитеесь! Хоть кто-то и дело делает, и деньги приносит.

– И на выпивку не тратит.

– Во, и на выпивку не тратит.

– На книги только могу.

– Второй, выдавай ему на книги в каждом городке. Заслужил.

– Ага, только библиотеки нам не хватает. Потом бродячий театр, фокусники, цирк, клоуны...

– Цирк у нас уже есть. А клоунов – вообще через одного.

12 пыльника 315 года. Вечер. Восточный форт. Старшина

Помню, был у нас командир в полку. Не полкан, а помощник его, по каким-то там делам. Гадкий, злобный и дурной был, хотя и из благородных. В нашем Морском, да еще в Егерском на происхождение не сильно смотрели. Это в Контулукском, если кровь не голубая, дальше сержанта не выслужишься. А у нас все по заслугам.

Так вот. Через него я нашивок в очередной раз и лишился.

Построил нас, два часа мурыжил в строю, все про какую-то честь говорил. Мол, нам доверили, а мы, дураки, не ценим, и прочую хрень.

И чего мне так тоскливо стало? И вот когда он на минуту замолчал, чтоб просморкаться, я тихонько... ну как тихонько – весь строй слышит, спрашиваю у друга своего:

– Знаешь, чем дурак от солдата отличается?

– Чем? – так простодушно отвечает, а все уже прислушались, чувствуют, что сейчас что-то будет.

– Солдат – он на срок контракта солдат, а дурак – это навечно.

Ну все легли, конечно, от хохота. Уж больно этого помполкана не любили.

Ну мне карцер, а так как старшин в карцере держать нельзя, то нашивки по дороге и спорили. Это еще ничего. Пять суток. В следующий раз я месяц просидел.

20 ятя 316 года. Вечер. Гора Корр. Глаз

Дурачки! Думали, что прижмут меня к горам и поймают. Щас. Испугали кота сметаной. Тут я сам вас переловлю. Даже не зная ваших троп и проходов.

Помню, когда с каторги сбежал, полгода мотался по хребтам. Досюда не дошел, но это чувство – свободы, неба, звезд, ледниковой воды – навсегда соединилось для меня с ощущением гор. Здесь я был своим. Это не контулюкская чаща, где из-за каждого дерева в любой момент может взвизгнуть егерский болт, и не южная степь, где нет места одиночкам. Здесь я хозяин. И ночью, и днем. А еще, уважаемые, мне лошадок кормить не надо, и лагерь ставить, и прочее.

Что ж ты, барон, так на меня осерчал? Тьфу на тебя. И на все ваше благородное племя. Мир принадлежит сильным. А вас ненавижу. Спась вашу, чванство ваше. Благородные... Перевешать вас всех на воротах замков, большего вы не стоите. Барон, барон...

Расположился прямо на перевале. С одной стороны сыпуха, тихо не подойти, с другой почти отвесная стенка: спрыгнуть можно, а взлезть – надо будет попотеть. С вершинок спуститься можно, но не ночью. Запалил костерок под камешком, сварил в миске, она же кружка, вечернее пойло. Научился у кондрекоров. И суп, и чай вместе. В горах с дровами худо, на две посуды-то. Чай, масло, мед, если есть. И лепешка с вяленным мясом. Благодать. Благодать. И благодать. Простите, отец настоятель, ничего вы в благодати не понимаете. Ха.

Внизу зажегся огонек. Тоже поест варят. Ага, еще и спать вполуха будут. Прошлой ночью я им выспаться не дал. А нечего на фоне огня стоять. Мишень – как в полковом тире. Поднял арбалет, нажал курок, зарядил; поднял, нажал, зарядил. А ко мне через речку ночью не перепрыгнешь. И сегодня не поспите. А я посплю. Горы усталых не любят. Внимание потерял на подъеме и сорвался, на спуске – ножку подвернул. Посплю. С востока тянуло теплым ветром. Еще бы почитать что-нибудь толковое перед сном. Ага. В монастыре не вылезал из библиотеки. Поэтому и уйти пришлось. Оказывается, молиться и трудиться надо, а не читать.

«Еще один день. Почему же так быстро?

Я опять ничего не успел, не продвинулся дальше...»

Ха. Ха. И ха.

22 ятя 316 года. День. Брошенный город. Северная дорога. Сержант

Топали несколько месяцев на север. На всю дорогу никто не нанимал. Дорого. Не сезон. Все караваны шли от городка к городку. Надолго никто не загадывал. Купцы в основном имели свою охрану. Кормить еще два десятка людей мог позволить не каждый. Хорошо, что у нас в закромах было достаточно, чтобы не браться за уж совсем неприличные заказы. Убийства. Угрозы. И прочее.

В конце концов дорога совсем обезлюдела. Старшина решил двигаться дальше, чтобы к началу сезона прийти на север. Сбыть оружие и наняться в большую охрану. Оптимист, блин. Ладно, посмотрим.

Места пошли дикие. В мор всех почти скосило. И не обжились еще. Городки полупустые. Впереди болота северные. Не разгуляешься.

Пришли в брошенный город. Когда-то красивый. Графский дворец сгорел. Одна башня-детинец посреди старой площади стоит как новая. Дверей нет – как бойцы туда попадали, не знаю. Бойницы только на уровне трех ростов, и те узкие, в три ладони. В кольчуге не пролезешь. Значит, сверху лестницу кидали.

Встали на площади. Дома разорены. В окнах помелькали какие-то рожи, но не вышли. Вечером подошел купчишка с телегой. Сказал, что местный. Попросился переночевать в лагерь. Выставил бочонок рому. Сидели, отдыхали после длинного перехода. Расслаби-

лись. Старшина со Вторым рассматривали карту. Кувалда перековал лошадок. Остальные валялись вокруг костра. Только Старшой все нарезал круги вокруг донжона, хлопал по стенам. Потом стал обходить ближайшие дома. Половина были разобраны на дрова. Остальные вот-вот развалятся.

Тишь да гладь. Поели, распили выставленный ром. Отдавал голимой сивухой. Мы с Лисой встали в первый караул. Потихоньку темнело. Последнее, что помню, как Старшой с довольным видом вылезает из остатков бывшего дровяного сарая. И все.

Повезло, что этот поганец, купец местный, и подумать не мог, что в наемниках непьющий может оказаться. И смекалистый. Старшой, как увидел, что я как стоял, так и упал, сразу все понял. И этому купчишке, притворяющемуся спящим – чтоб не заорал, сразу кинжалом своим новым сунул. А дружки его, видать, сигнала ждали, что мы готовы, и не спешили.

Вот. И за эти полночи Старшой нас по одному всех в башню перетаскал. Нашел, оказывается, в сарае подземный ход. Где-то видел такой же, говорит. Открыл. И таскал. И нас, и почти все ценные пожитки. Товар только уж не успел. Особенно на меня и на Кувалду, нашего кузнеца, потом ругался. Что? А ты попробуй мужика здорового, который как тушка валяется, с земли на плечи поднять, пройти с ним, спуститься в лаз, хорошо хоть широкий, и снова по лестнице вверх, на второй этаж. И так два десятка человек. И броню. И пожитки. И еду. Колодец в башне был.

Говорит, когда эти друзья пришли, даже арбалет не мог держать, так руки дрожали. Бросил камень из бойницы одному на голову, который над купцом нагнулся, и все.

Те все поняли. И ход нашли. Еще бы. Кузнеца и меня Старшой уже волоком тащил. Ход нашли, а дверку там не открыть было. Я потом смотрел. Хитро сделана. На повороте. Ни разбег для тарана не сделаешь, ни подкоп, ни рычаг. Полгода надо провозиться. Короче, сели в осаду, они ж не знали, что у нас всего один в строю. Гвардеец, блин.

Потом расспрашивали его, мол, тяжело было нас таскать? Таскать, говорит, еще что... а вот потом нас всех отваром отпаивать и штаны переодевать трое суток – вот это да. Лиса каждый раз, как это слышит, краснеет и выходит. А что делать, на третий день только стали от отравы отходить. Трое умерли. Да еще эти ребята каждую ночь пытались влезть к нам. Крюки в бойницы кидали с веревками привязанными, и лестницы пытались поставить. Первую ночь Старшой от бойницы к бойнице бегал. Изображал, что нас тут много, здоровых. Орал, факелами махал, стрелял, камни кидал. Отбил.

Те забрали товар, лошадей и сделали вид, что ушли. Попрятались, ждали, что дальше. На третью ночь снова полезли. Старшой к тому времени был уже на грани. Воду кипятил, поил, мыл. Хорошо, что Лиса к третьему дню оклемалась. Выпила-то со мной тогда чуть-чуть. Шатало ее, но арбалетом с подставки уже могла поугавать. Снова отбились. Один только успел влезть на верхний уровень. Да Старшой на лестнице там хитрую веревочку натянул, тот и зашумел. Лиса ему в пах снизу стрелу и всадила, а Старшой успел веревку перерезать, чтоб следующий не забрался.

Два дня еще в башне сидели. На пятый день уже были получше, сделали вылазку. Такие злые были, что особо не церемонились. Троих местных, у которых нашли кое-какие свои вещи, сразу порешили. Нашли трех коняг, одного старого пришлось съесть, еды уже было в край. И босые, и голые – в смысле, без товара и телег – потопали дальше.

Старшой отоспался, стал ржать над нами, мол, вот до чего выпивка доводит. Шли весь день как пришибленные. Вечером встали, вот тогда Старшой у костра впервые и достал книжонку, и стал вслух читать. «Удивительные приключения герцога Жмотта, какие он испытывал в дороге по пути в Контулукскую чашу и обратно, рассказанные его верным оруженосцем Растрепой». Сначала хмыкали. Потом стали реплики вставлять. Под конец ржали, как лошади.

Оказывается, мало понос остановить. Надо еще дать понять, что это не самое страшное. «Будем жить, пока живы».

22 ятя 316 года. Вечер. Брошенный город. Северная дорога. Лиса

Когда чтение закончилось, еще долго смеялись, но я запомнила не это. Старшой, охрипший от долгого чтения, отошел с кружкой от костра, стоял на поляне. Мы с Братьями подошли к нему.

– Говорят, что на звездное небо можно смотреть, не уставая, всю ночь... – Старшой оглянулся на нас.

– Почему? – Я встала рядом.

– Потому что это кто-то сверху смотрит на нас.

– Боги? – Братья подняли головы.

– Если бы они были, их от нас уже давно бы тошнило, – усмехнулся Старшой.

– А кто тогда? – не отставали Братья.

– Каждый решает сам.

– А ты как думаешь? – попыталась расшевелить его я.

– Я думаю, что это мы сами. Наша лучшая часть смотрит сверху. И ты или помнишь, что она у тебя есть, и тогда живешь, чтобы было не стыдно по ночам смотреть на звезды, или нечаянно или нарочно забываешь про нее. И тогда небо для тебя – только высокая крыша, которая иногда протекает.

– Как это «нечаянно»?

– Когда тебе никто не говорил, что есть Звездное Небо. И ты живешь, не задумываясь о нем.

Мы со Старшим посмеялись и пошли к костру. На полпути я обернулась: Братья стояли, подняв головы. На лицах у них было такое детское восторженное выражение, как будто они увидели небо впервые. И теперь разговаривали со звездами. С самими собой. И два верхних брата что-то отвечали им.

22 ятя 316 года. Вечер. Брошенный город. Северная дорога. Старшой

Шли сами как караван. С оружием. Работы не было почти никакой. Здесь, между севером и югом, тянулись почти одни сплошные болота. И раньше людьми было небогато, а уж после мора – и вообще...

Монотонная ходьба выматывала, хорошо хоть груз везли на телегах. Но шли в броне. Молодежь сначала роптала, но одной фразы Сержанта: «Лучше потным, чем мертвым», хватило, чтобы все понять и терпеть. На привалахставляли дозорных, дежурили все, кроме Старшины и Второго, но последний и так не спал, по своей привычке нервно обходил посты и недовольно бурчал под нос.

Весло и Сержант занимались с нами, новичками. Строй, меч, команды. Огромное значение отводилось совместной работе. Время одиночек прошло. Кто не верит, может посмотреть на бывшую Кабанью кольчугу, красующуюся на Сержанте.

По пути расспрашивал всех про других наемников и бандитов. Все мимо: про банду с рыжим главарем и еще двумя рыжими никто не знал. Пришли в брошенный город с сожженным замком. На площади осталась цела только дозорная башня. Даже не башня, а целый донжон, могший укрыть несколько десятков человек. За годы мора, конечно, по веревкам уже не раз кто-нибудь забирался внутрь и все ценное вынес, но стены стояли по-прежнему неприступно.

Вспомнил, как со своим университетским приятелем и его отцом, герцогом, ездили к ним в старый замок. Там стояла похожая башня. Герцог тогда предложил нам найти вход в нее, пока в замке готовят праздничный обед, но мы до вечера так и не управились. На сле-

дующий день, рано утром, чтобы не увидели лишние глаза, герцог отвел нас в соседний с башней дом, в котором жил вышедший на пенсию гвардеец, из преданных герцогу, и там, в хлеву, показал замаскированный лаз. Если не знать про него, ни в жизнь не догадаться. Мне было очень почетно, что герцог раскрыл эту семейную тайну не только сыну, но и мне. Сказал ему спасибо. Тот лишь улыбнулся. После смерти родителей я и так жил в их семье почти как сын. Конечно, дворцовые перевороты, интриги и прочее ушли в историю, но... береженого все боги берегут.

Пока отряд пил ром, я пошарил по окрестным, тоже почти полностью разрушенным, дворам. Уже к темноте в старом сарае увидел ложную стенку, некогда закрытую дровами, а теперь просто заваленную головешками. За ней нашел и лаз. Крышка тоже сгорела, поэтому замок ломать не пришлось. Внутрь не полез, оставил на утро... Как же. Всю ночь с потными мужиками на плечах туда и налегке обратно. Ну, одна девушка была. Лиса. Но так как обтошнила меня по дороге, то легче с ней не было.

Дальнейшие три дня и три ночи – в полном тумане. Что делал, помню, но как будто не со мной все было. Хорошо, что хоть отравленные стали оклеиваться, так как я уже проваливался каждые пять минут в забытие. Отсыпался сутки, пока они город шерстили. «И пошли они дальше в унынии, так как уныние тела лечится многими способами, а уныние духа – только любовью искренней, жаждой знаний неистребимой и великой, не каждому данной, способностью удивляться на этот унылый, но такой прекрасный мир». Почитал им вечером у костра. Не это, конечно. Байки веселые. Вроде отошли.

22 ятя 316 года. Вечер. Брошенный город. Северная дорога. Старшина

За что месяц карцера?

А как ты думаешь? Стоит строй, командир бежит вдоль него и орет:

– У вас в казарме темно и грязно, как в заднице у контулуковского тигра!

И тут голос, мой (конечно, не вытерпел):

– И все-то вы знаете, и везде-то вы были, ваша светлость!

Дальше объяснять?

13 моха 317 года. Полдень. Бугры, Северная дорога. Лиса

– Сержант с Веслом пойдут в город. В Рушь пошлем кого-нибудь другого. – Старшина оторвал взгляд от плохо прорисованной карты. – Одни болота вокруг, чего они тут собирают...

– Шикшу. На сахар. И на самогон, – ответила на риторический вопрос я. Остальные, стоящие вокруг стола, молчали. – Провинция спокойная, зажиточная. И деньги есть, и те, кто хочет эти денежки получить, тоже есть.

– Нам нечего встречать. Мы тут по своим делам. – Старшина снова уткнулся в кроки, подрисовывая что-то грифелем. – Пусть идут Братья и Тихий. Лиса, и ты с ними, раз так хорошо в самогоне разбираешься. Телегу возьмите. Лучше две. И местного, чтоб показал, к кому обратиться, и прочее.

– А старшим кто? – не вытерпела я. Братья меня слушать не будут. Точнее – будут, но с ухмылками и не торопясь. Сами они в командиры не рвутся.

– Старшим, старшим... – мысли Старшины были заняты другими проблемами, далеко от покупки провианта, овса и кожи. – Старшим... Пусть Старшой и идет.

– Молод еще, – встрял Второй, – дров не наломает?

– Зато он считать умеет, а то Лиса там с Братьями наторгуют... Ее обмануть попытаются, а Братья только и могут, что рожу пострашнее сделать и мечом помахать. Здесь не юг. Добрее надо с людьми.

– Хорошо, – Второй шагнул к двери, – пойду распоряжусь. А город?

– Город? Вот тут беда... – Старшина подпер голову. – Проводи Лису, зови Сержанта и Весло, помозгуем.

Мы вышли.

– Давай, вперед, мертвая. – Возница из местных – старый, но еще вполне бодрый дед – дернул вожжи. – Плохое это место. Тут раньше хорошо было. Тут богато живут. И раньше богато жили. Тут. Но спокойнее было.

– А сейчас что? – встрял один из Братьев. Другой сидел рядом. Старшой лежал сзади, не спал, смотрел открытыми глазами в небо, где в вышине парили какие-то птицы. Я тоже попыталась лечь, но телегу немилосердно трясло, и я забралась с ногами, устроившись поудобнее. Сзади на второй подводе ехал Тихий.

– А теперь тут колдун. Вот что теперь. Тут. – Полено – так звали возницу, снова дернул вожжами. – Всех под себя подмял. Плати ему, говорит, и ягодой, и деньгами. И девками. Тут. Очень до девок охоч. Ну и до денег. Тоже. Во.

Братья оглянулись на нас. Я пожала плечами: ничего нового.

– А что ж его никто не урезонит? – Братья погладили свои мечи. – Народ-то не пугливый.

– Не пугливый, – согласился дед. – Тут. Давно бы уже. Тут. Да проклятие на нем. Все знают.

– Мы не знаем, – заинтересовались Братья. – Что за проклятие?

Возница достал из-за спины флягу с неперменной здесь «шикшовкой». Выдернул зубами пробку, хотел приберечь, но по взглядам Братьев понял, что закрывать не придется, выплюнул ее под колеса.

– Все знают. Тут. – Полено приложился к фляге, удовлетворенно вздохнул; вздохнул снова, уже с сожалением, и пустил флягу по кругу. Братьям два раза предлагать не надо было. Хорошо отхлебнув, передали флягу мне. Хотела отказаться, но аромат из горлышка походной тыквенной фляги заставил сначала принюхаться, а потом и глотнуть. Самогон. Но запах... Свежие ягоды так и встали перед глазами. Протянула остатки Старшому. Тот помотал головой.

– Понюхай хоть, – не отняла я руку, – знаю, что не пьешь. Гадость редкая, но запах... «шикшовка». – Тот привстал, понюхал и заулыбался.

– Бальзам на душу, – и отхлебнул. – Ох, жуть!

Братья заржали, в два глотка опорожнили. Дед понюхал пустую баклажку, спрятал в солому. До Тихого сзади долетел запах, он даже подстегнул лошадь, но поздно...

– Все знают. Тут, – снова повторил дед. – Колдун. «Кто попробует убить рушевского колдуна железом, деревом, костью, камнем, водой или огнем, сам в два дня от этого погибнет». Тут. Все знают. Тут.

Братья переглянулись, оба, не сговариваясь, потрогали свои амулеты, висевшие на шеях.

– И кто же это так красиво сказал? – встрял в разговор Старшой. – Откуда это известно?

– Так все знают. Все. – Дед с укоризной обернулся к нам. – Был сход колдунов. Давно. Там они все про себя и узнали. Вот и про нашего тоже. Он как приехал оттуда, так все и узнали. Тут. Ничего. Только безобразничает сильно. С девками. А так ничего. Жить можно. Тут.

– Так, может, он сам это все и придумал, – рассмеялся Старшой, – колдун рушевский...

– Что ты! Тут. – Возница чуть не свалился с телеги. Стал нервно оглядываться по сторонам, как будто из придорожной канавы сейчас вылезет сам колдун и накажет за такие речи. – Все знают. Тут. – Он явно не находил слов, чтоб выразить весь ужас от слов Старшого. – Вы же солдаты. Должны понимать. Ни железом. Ни костью. Тут. Такой.

Он не выдержал, прыгнул с телеги, пошел рядом, что-то бормоча под нос и с неодобрением посматривая на нас.

Братья повернулись к Старшему. Тот откровенно смеялся.

– Хорошо придумал. Делай, что хочешь, а трогать тебя нельзя. Надо нам для отряда так же придумать. Пугать всех будем, – и дальше завыл страшным голосом: – Кто на отряд Старшины нападет, тот на понос изойдет, у того... кхм...

Мы с Братями расхохотались.

Полено что-то пробухтел, хотел запрыгнуть в телегу, но передумал.

Дорога обогнула последний холм, взгляду открылась деревня, видная вся как на ладони. На единственной улице, вдоль солидных домов, толпился народ. Гомонили. Кто-то истошно голосил, как по мертвому.

Братья враз подтянулись, надели шлемы, положили руки на мечи. Мы со Старшим переглянулись и тоже накрыли головы. Все сидели в свободных позах, но готовые ринуться в схватку по первому поводу. Так, как сидят люди, часто попадавшие в ситуации, где рев, плач и беготня часто заканчиваются стрельбой, рубкой и кровью.

– Вот и прикупили хлебушка... – Старшой стал заряжать свой арбалет. Братья с одобрением покосились. После выстрела по Кабану арбалет Старшого они считали очень удачливым. А удача для них была чем-то вроде религии.

Телега въехала в деревню. Местные замерли при виде закованных в броню чужих людей, но, заметив Полено, который сразу шепнул ближайшим, что наемники приехали купить овса, а не грабить, снова забегали.

Старшой понял, что пора оправдывать статус командира. Он отдал арбалет мне. Понятно: не высовывайся и прикрывай. Не вопрос, дело знакомое. Подняла оба болтами вверх.

– Тихий – у лошадей, остальные – за мной.

Сам он двинулся в гущу голосащих, туда, где заметил светлую рубаху нашего провожатого. Братья с суровым видом пристроились за ним. Здороваясь по пути с хмурыми жителями, подошли к толпе. Люди раздвинулись перед нами. Старшой шел с видом главного, и перед ним расступались. Два Брата по бокам и мои арбалеты, смотрящие в небо, дополняли картинку.

На земле, воя, на коленях сидела женщина. Она обнимала тело девочки. Судя по закатившимся открытым глазам и безвольному мотанию головы, мертвой девочки. Рубаха ее была разорвана, все лицо в синяках, на тощих руках и ногах – запекшаяся уже кровь. Вторая девчонка, совсем маленькая, пыталась оторвать мать от мертвой.

Старшой встал над женщиной, лицо его перекошилось. Он закрыл глаза, покачнувшись, выпрямился и обвел взглядом местных.

– Кто?.. – хриплым голосом спросил он. – Кто? – повторил он.

Местные молчали.

13 моха 317 года. Полдень. Рушь, Северная дорога. Старшой

Она лежала, а на шее было такое же монисто, из старых графских монеток. А я опять ничего не смог сделать. Нет, мог: эти не убежали. Из отряда меня выпрут – мы ведь не вмешиваемся без надобности. Жалко. Но с этим разберусь. Я снова опоздал. Не хочу больше опаздывать. Никогда. Если кто-то так спокойно распоряжается чужими жизнями – значит, и сам заслуживает такого же обращения. Гуманизм и человеколюбие? Смешно. Сила и власть? Нет. Так все равно нельзя. Закон и порядок? Тоже не то. Имеешь ли право судить сам, по своему разумению? Вот это точно можешь.

– Кто?

13 моха 317 года. Полдень. Рушь, Северная дорога. Тихий

Нам-то что, и не такое видали...

У нас в отряде, конечно, такое не приветствуется. Ну хочешь бабу – заплати. Да в любой деревне или городке и без денег всяко найдешь, кто с солдатом пойти захочет. После мора народа и так мало, а чтоб здоровый, да без грубости... Не, я про юг и не говорю. Там за деньги любой тебе жену приведет, и сестру, всех дочек... У нас – не за деньги. Бабе ведь тоже хочется, чтоб приласкал, да здоровый. Конечно. У кого нет, у кого пьет, а у кого и не умеет (смеюсь, да). А кто – чтоб ребенка зачать. От солдата-то лучше, чем от пьяни деревенской.

А тут, по всему видно, девчонку маленькую насильничали втихую. Ну или перестарались, удавили, либо сама. Ну умерла. Мать убивается, а отца у них не было. Это мы потом узнали. Ушел в болота два года назад, да и сгинул. Обычное дело. Ходят-то по одному, чтобы места свои не показывать. Чуть что – и одному уже не выползти. Утонул, или звери сожрали, или помог кто. Кто-кто... Не знаешь, что ли? Нет в лесу страшнее зверя, чем человек. За еду, за деньги, за бабу убить могут. Да и за просто так. Под руку. Бешеный зверь от своего бешенства сам погибнет. А человек дурной много лет может чудить. Кто его приструнит? Таких, как наш Старшой-то, мало. Он может. Вот и тогда смог.

Короче, сироты. Кто заступится? Понятно. Подошли, смотрят. Жалко им всем, конечно. Но... сама дала, сама пусть справляется.

Тут Старшой хрипло так и говорит: «Кто? Кто, я спрашиваю?»

И голос такой, что вроде как и шепотом, а враз все притихли. Знаю я такой голос. В городке, где я родился, был старый граф. Еще из старых вояк. Контулукскую войну прошел. Командовал там кем-то. Тоже вроде шепотом говорил, а хотелось по струнке встать. Чувствуешь, что человек имеет право командовать, и если что... спросит, да так, что мало не покажется.

Вот и Старшой так. Я вот тогда и скумекал, что он не простой человек. Видно, когда у человека за спиной есть что. Что-что... У кого-то – пьяный батька и тощая корова, и ешь с ними из одного корыта кто быстрее. А у кого-то – дом. И семья. И любят его там. А у кого-то – и воспитание, и приличные манеры, и книжки разные, грамота всякая. А Старшой – занятный человек. Тогда-то не вдавались. Но я понял. И Старшина со Вторым долго с ним говорили. Обычно как? Хочу в отряд. Кто, что? Не вор, не убийца. Долгов кровных нет. Записан. В драке посмотрим. А тут – два кувшина проговорили. Старшина к себе примаком взял. Так-то.

Ну вот.

– Кто, я спрашиваю?

И притихли все. И даже баба стала потише голосить. Молчат все. А Старшой стал меч потихоньку из ножен вытаскивать. Ну местные трухнули немного. Боятся нас, понятно. Наемники-то – они разные бывают. Наш отряд в зверствах не замечен, но они-то откуда знают... Отшатнулись.

– Не мы, – здоровый такой дядька с бородой, староста, как оказалось, – не мы это. Колдун это. Завел к себе, чудеса показать. Ну и... «Брыкалась», – говорит. Вот и переусердствовал. Со своими... – Староста скрипнул зубами.

Баба внизу опять взвыла, местные заголосили.

– Где он? – Старшой аж покраснел лицом от злости.

– Да вон идет, легок на помине, – махнул бородатый рукой вдоль улицы.

Мы повернулись. Вдоль домов шли трое. Впереди – худой и высокий как каланча мужик в непонятном одеянии. Плащ не плащ, рубаха не рубаха. Вся в ленточках и каких-то висюльках. Следом двое, плотные, почти толстые, явно не переломленные работой, с длинными ножами на поясах. Подошли. Явно брели к подводам, слупить по-легкому. Вблизи

колдун выглядел еще страшнее. Длинный, лысый, губ не видно, глаза смотрят сквозь тебя. Оглядел нас, на бабу с мертвой девчонкой даже не взглянул.

– Тут я торгую, – повернулся колдун к Старшому. Понял ведь, к кому надо. – Что хотите, «шикшовку», зерно?

– Тебя надо, – Старшой сделал шаг вперед, встал перед колдуном. – Тебя.

– Ты, наверное, солдатик, не знаешь, кто я. – Колдун держался нагло. – Не пыли, договоримся.

– Вряд ли, – Старшой повернулся к нам. – Связать этого.

Братья как ждали, один дернул колдуна за рукав, второй стянул ремень с пояса.

– Эй, – один из охранников колдуна выдернул нож, – пусти...

Дальше сказать не успел. Старшой, не глядя, ткнул его мечом в брюхо, тот осел. Второй дернулся было бежать, но, увидев Лисины арбалеты, направленные на него, замер.

Колдун дико захохотал.

«Кто попробует убить рушевского колдуна железом, деревом, костью, камнем, водой или огнем, сам в два дня от этого погибнет!» – Колдун даже не пытался вырваться. Стоял со связанными руками и дико смеялся. – Вы что, солдатики? Прокляну! И вас, и весь ваш род. На колени!

Старшой с размаху впечатал ему сапог в пах. Хохотун замолк и, сломавшись пополам, упал на землю. Лиса подошла к Старшому:

– А надо нам это? Вдруг правда...

Братья тоже смотрели на командира. Тот спокойно оглядел местных и нас, поставил ногу колдуну на спину.

– Как там? «Ни железом, ни деревом, ни костью, ни камнем, ни водой, ни огнем» – так? – и повернулся к Братьям: – Повесьте его вот на этом крабе. Про веревку ничего там нет. Да если бы и было – мое проклятие посильнее его будет.

Братья, ухмыляясь, потащили колдуна к дереву.

– Тихий, неси вожжи.

Местные опять загудели. Пока непонятно, но вроде бы радостнее. Некоторые рожи просто засветились от счастья. Несколько баб бросились ко второму охраннику. Тот оторопело смотрел на нас и не сразу понял, что ему грозит. Бабы накинудись сзади, повалили, мелькнули ножи. Все. Не балуй. Им только дай волю. Страшнее медведя только медведица с медвежонком.

Бородатый староста, сняв шапку, с почтением подошел к Старшому.

– А какое у вас проклятие, уважаемый?

Братья тем временем перекинули вожжи через сук, затянули на шее колдуна и остановились, глядя на Старшого.

– Какое проклятие? Если за день хотя бы одну сволочь и мразь не повешу, так спать спокойно не могу. Веришь, отец? – и повернулся к Братьям: – Давай, пусть колдует, я в ответе, поднимайте.

Колдун попытался еще что-то крикнуть, но веревка споро выбрала слабинку, он захрипел, задергался и повис. Братьям пришлось подтянуть его почти до самого сука, чтобы длинные ноги не доставали до земли. И теперь казалось, что колдун зацепился шеей за ветку, веревки не было видно, только пена на его бескровных губах выдавала, что произошло.

Местные не могли понять, то ли радоваться им, то ли ужасаться. Большинство, похоже, радовались.

– Там у него рабы еще есть, уважаемый... – начал староста, но прикусил язык, поздно поняв, что дом колдуна со всеми богатствами теперь ничей.

– Пошли, посмотрим. – Старшой махнул нам рукой: – Тихий, Лиса – подводы!

Дом на окраине. На частоколе черепа разные. Животные и птицы. Два человеческих. Старшой с Братьями и старостой зашли во двор. Остальные местные не решились. Вскоре из дома послышались крики, что-то разбилось. Братья выволокли за цепь грязного человека. В ужасных лохмотьях, он что-то мычал, махал ручищами. Следом вышли еще двое, тоже грязных. Один плакал, второй, щурясь на солнце, пытался огладить одежду перед народом.

Показались Старшой со старостой. Грязный на цепи снова замычал, попытался вырваться. Толпа в страхе отшатнулась. Один из Братьев держал цепь, второй мечом не подпускал страшилую ближе.

– Стой! Нельзя! – крикнул Старшой. – Отпусти цепь.

– Он немой. – Приглаживающий одежду пленник встал между ним и закованным. – Хотел колдуна убить, вот тот его на цепи и держал. Года два уже.

– А вы откуда? – Командир спокойно подошел к ним.

– Я с севера, с островов, Рыбаком зовут; в порту проигрался по пьяни в карты, вот в рабах пятый год и брожу, а этого, – он кивнул на плачущего, – колдун за какие-то долги отрабатывать заставил. А Немой – это имя у него такое, настоящее не знаю, на Немого откликался – убить хотел гадину за какого-то родственника. Да в капкан попался, вот сидит на цепи. Колдун хотел его заколоть, все равно не работает.

– Рабства нет. – Старшой убрал меч. – Долги долгами, а на цепи людей держать нельзя. Он шагнул к Немому, тот выпрямился перед ним.

– Понимаешь меня?

Тот кивнул.

– Вы все свободны, сейчас тебя раскуют. Староста, где ваш кузнец? – Он снова повернулся к Немому: – Понимаешь меня?

Немой снова замычал, затряс цепью, стал показывать на дом колдуна, на меч, пытаясь что-то сказать командиру.

– Да-да, я понял тебя, не волнуйся: колдуна казнили.

Пленники охнули. Немой сжал кулаки, постоял неподвижно и опять начал руками показывать Старшому.

– Я, – ответил ему он, по-видимому поняв его вопрос. – Ты свободен, я его казнил. Тихий, Лиса – подводы сюда. Грузим запасы колдуна. Староста разрешает. Разрешаешь, староста? Ты где?

Бородатый замахал руками в знак согласия.

– Значит, так, – продолжал Старшой. – Провиант – нам, деньги, там немного – поделить между этими тремя, за их муки. Одежду тоже пусть возьмут какую надо. Дом с хозяйством отдать той женщине с ребенком. Обманете – накажу. Остальные деньги у него где-то закопаны. Ищите.

– Что вы, что вы, – забасил староста, – все так и сделаем. Мужики, помогайте грузить. Бабы, воды принесите, этого беднягу ополоснуть. Да, этих убирайте, – махнул он рукой в сторону валяющихся на улице помощников колдуна. – А с ним что делать, уважаемый? – снова обратился он к Старшому.

– Пусть повисит три дня, поколдует. Ворон порадуется.

– Как зовут вас, уважаемый?

– Старшой.

13 моха 317 года. Вечер. Бугры, Северная дорога. Лиса

Так все и было. Приехали в лагерь. И деньги обратно привезли, и полные телеги.

– Как бы нам это боком не вышло, – нахмурился Второй после нашего рассказа. – Пустили старшим... А вы где были?! – набросился он на меня с Тихим.

– Я был командиром, мне и отвечать, – встрял Старшой. – Я считаю, что все сделал правильно. Мы должны наводить порядок. Если хотим быть в авторитете у людей, а не у бандитов.

– Должны, должны... Никому мы были не должны, – продолжал кипятиться Второй. – Что будем делать, Старшина?

Тот морщил нос, ничего не говоря.

В палатку вошел Сержант.

– Приехали местные из Руши. – Он глянул на нас. Я, Старшой и Тихий стояли в углу.

– Началось, – вскочил Второй, – что им надо? Много?

– Две подводы. Привезли шесть бочек «шикшовки». Бесплатно. Сказали – подарок. Еще, говорят, вашему старшему вот это передайте, – Сержант поставил перед Старшиной выпачканный в земле горшок, судя по весу, набитый деньгами. – Сказали – ваша доля.

Второй со Старшиной переглянулись.

– И еще вот это. – Сержант развернул тряпку, в которой оказались красивые ножны и явно очень хороший и дорогой меч.

– Кхм, – развеселился Старшина, – это не мне. Это вот ему, – махнул он рукой в сторону Старшого. – Я же говорил, что он должен уметь торговаться!

Все засмеялись.

– Еще не все, – продолжил Сержант, – с ними двое пришли. Один тощий, просится в отряд. Рыбаком зовут. Второй – немой, он вроде нашего Старшого ищет.

25 моха 317 года. День. Центральный тракт. Глаз

«Почему, почему... Откуда я знаю, почему у меня один глаз серый, а второй карий? Мама неизвестная таким родила. Вот и маюсь всю жизнь...» Стер с клинка кровь.

– Кому еще мои глаза не нравятся? – осмотрел притихшую таверну. Положил меч перед собой на стол. Почесал шею, вытащил второй клинок, положил рядом. Внизу булькнуло еще раз, ноги балабола подергались, и он затих. Его дружок заворуженно смотрел, как я вытаскиваю оба кинжала и присоединяю к мечам. Затем наступил черед ножа из сапога и стилета из карманчика на левом плече. Их можно и воткнуть в стол, они для этого и предназначены. Многие лопухи не знают, что одним клинком надо рубить, вторым резать, а что-то можно и втыкать. Сколько раз я видел, как хороший клинок в плохих (а после этого мертвых) руках застревал в живой плоти или ломался о кость или изнанку кольчуги. А они его еще выдернуть пытались. Тут просто: завяз он или сломался – брось его, возьми другой. Поэтому острых железяк при себе должно быть много. Очень много.

Ну все доставать не буду, нечего остальное показывать. Еще раз осмотрел зал. Два вооруженных стражника сделали вид, что их интересует только пиво. Компания местных притихла за центральным столом.

– Все? Никому больше ничего объяснять не нужно? Хозяин, сколько с меня? И где мое жаркое? И рома еще! – Не люблю алкоголь, но пусть думают, что пью. Сдвинул железо в сторону, но под правую руку. – Ты, забери отсюда эту пададь.

Дружок отъехавшего потащил тело из-под стола. Ему быстро помогли.

Достали уже. Почему, почему... Надо, наверное, зачем-то. И женщинам нравится. Заснула, говорит, вечером с правого бока с голубоглазым, проснулась с другим мужчиной. Шутка.

Сколько драк в детстве из-за глаз было... И мечом поэтому научился владеть, чтобы сразу – чпок! и все, следующий...

Сделал вид, что пью, пополоскал рот; сделал вид, что водой запиваю, туда и выплюнул; зажевал. Хотя напрасно. Не похожи местные на мстителей. Жру мясо.

Дверь, скрипнув, отворилась. Вошли еще четверо. Пока все на них смотрели, выплеснул ром из кружки, поднес уже пустую ко рту, подергал кадыком. Один из четверки осмотрел зал, след крови, ведущий к моему столу. Подошел, сел.

Глянул на него, не переставая резать мясо.

– Не вы ли, уважаемый, будете по имени Глаз? – Говоривший коротко обернулся к трактирщику – оттуда уже несли кружку. Остальная троица уселась за соседним столом, выгнав оттуда каких-то работяг. Стражники через стол стали расплачиваться, намереваясь уходить. Правильно: «Зачем нам проблемы?» – девиз всех стражников всех времен и стран.

– Да, я. – Жаркое оказалось неплохим. Попробуй накормить тут падалью: прирежут сразу. Весело.

– Я думал, что вы, уважаемый... что вы будете держать себя поскромнее и неприметнее. – Говоривший отхлебнул пива и откинулся на спинку. Высокий, почти как я, широкоплечий, но какой-то бледный и заморенный. Камзол хороший, под ним пластинчатый панцирь. Тройка сопровождающих одета победнее, но вся обвешана оружием. Дерьмовым оружием. Интересно, как вон тот вислоухий будет размахивать парными клинками в такой кирасе – там же руки вместе не поднять... А у краснорожего рукоять явно не под его ладонь, при сильном ударе или блоке выскочит из руки, клянусь контулулукской дохлой мышью. Третьего видел плохо: если что, с него и начну.

– А мне, уважаемый, плевать на то, что вы думаете. Я веду себя так, как считаю нужным.

Бледный дернул плечами.

– Может, мне надо было пригласить другого человека, – как будто бы сам с собой.

– Это ваше право, уважаемый. Мне на это тоже плевать. Не думаю, правда, что теперь кто-то придет к вам, если мы не договоримся.

– Вы мне угрожаете? – Он снова дернул плечами. Чего ты так нервничаешь?

– Нет, мне этого не надо, уважаемый. И скажите вашему бойцу, чтобы убрал арбалет. Пока он будет его поднимать, я все равно успею проткнуть вам горло, а потом, прикрывшись вашим бледным трупом, порежу и их.

Помахал пробежавшей мимо девчонке:

– Красавица, принеси мне что-нибудь попить простого, ну как сказать...

– Пиво, ром?

– Да, нет. Простого чего-нибудь попить.

– Мама кисель ягодный варила, хотите?

– Умница; большую кружку, очень большую, – и повернулся к снулому: – Так на чем мы остановились, уважаемый? А, да... Не надо меня пугать, не надо меня обманывать с деньгами. И я сразу говорю, берусь я за дело или нет.

– А, так вы еще можете отказаться? – скорчил гримасу тот.

– Да, если дело гнилое. Но если берусь, то делаю. Поэтому меня и нанимают, чтобы не тратить лишних денег, – и замолчал.

Девчонка принесла кувшин и две кружки, решила, что будем пить вместе. Нет уж. Ух, вкуснота, сам выпью.

– Да, меня не обманули, рассказывая о вас, уважаемый.

– Обманули, обманули. Все, кто много обо мне говорят, долго не живут. Или обманывают...

– Что-то вы, уважаемый, все про обманы да про обманы...

– Сразу предупреждаю. А то в последнее время что за поветрие пошло – никто платить не хочет... Все норовят обмануть. Суета. – Дожевдал мясо, подобрал лепешкой соус; хорошо!

– Суета? – Бледный сделал попытку улыбнуться.

– Да, суета. Наймут себе идиотов, которые и оружие держать не умеют, только шваль базарную гонять да деревенских дураков. Вот и приходится объяснять, что к чему. Закапывай их потом...

Тихонько допили. Я – кисель, он – свое пиво. Посидели в тишине.

– Хорошо, я принял решение, – вот ведь боги: он решение принял... прямо глава Большого Коронного Совета... – я вас нанимаю.

– Ха. Говорите, что нужно сделать и сколько вы готовы за это заплатить, а я уже решу, братья или нет. – Я махнул рукой из-под стола, двузубая вилка воткнулась в потолок прямо над троицей за соседним столом. Те сглотнули и убрали свои ножи. Правильно, а то могу и занервничать. Хороший фокус: долго пришлось учиться, зато прекрасно выглядит.

Бледный перевел взгляд обратно на меня.

– Хорошо. Дело в моем брате.

Хорошо, не хорошо... рожай давай, бобер контулукский, задрал своими проблемами. Везде одно и то же. Братья, родители, дядьки, тетки, дележ денежек, земель и скотины. Мерзавцы. Может, мне и заказчиков опосля кончать? Нет, нельзя, клиент всегда прав.

Скучно. Спать хочу. В столицу, что ли, съездить?..

2 злыдня 317 года. Утро. Север. Второй

«Не люблю холод. Как они тут живут?.. А говорят, дальше будет только хуже». Придвинулся к камину, закинул еще пару поленьев. Старшина оторвался от своей кружки.

– Сам за дровами пойдешь. На два дня уже спалил.

– Холодно.

– Выпей вон. И на голову что-нибудь надень. Вся дрожь от головы.

– Ага, как местные, треух или платок. Спасибо.

Огонь качнулся. В приоткрытую дверь втиснулся Сержант, быстро захлопнул ее и присел к огню.

– Снег за ночь выпал.

– Вот ведь, хрень господня, – выругался я, – терпеть его не могу. А у нас окно завешено, так не видно. Много?

– По колено уже.

– Обалдеть. Как дальше поедет? Может, растает?

– Вряд ли. Там холод жуткий. – Сержант повернулся к огню спиной. – Прямо сел бы туда, в камин.

– Ага, чтобы твоей шерстью тут все воняло. Вон дымишься уже. – Я отпихнул Сержанта подальше.

– Это еще не все.

Теперь уже и Старшина поднял голову.

– Что опять?

– Не следишь за своим «пасынком». А он с ума сошел. – Сержант опять с кряхтением притиснулся к очагу.

– Что опять? Ром пьет?

– Хуже. Вышли утром во двор, он снег увидел, заорал, стал в нем валяться.

Меня передернуло. Взял очередное полено. Старшина заржал:

– Дурни. Снег – это хорошо. Мы стоим – так и те, кого мы ловим, тоже стоят.

– Да, нам бы способ найти, как по снегу идти, вот было бы здорово, – я опять отпихнул Сержанта, – всем хочется погреться, отвали, не заслоняй.

– А вы у Старшего спросите – раз он снег так любит, значит, на севере бывал; может, что-нибудь придумает. – Старшина тоже вытянул руки к огню.

– Что он, волшебник, что ли... – Сержант с тоской посмотрел на дверь. – Вот ведь холод!

– Иди, иди. Мы тоже одеваемся.

И ведь придумал. Старшой. Конягам, оказывается, еще и лучше – по снегу. Телеги с осей сняли, подложили вниз шкуры бычьи. Шерсть на них замерзла и скользила так, что любо-дорого. И не проваливались почти.

За день догнали кого надо. Те под снегом в избушке вдесятером сидели, грелись. Форато у них в два дня была. А тут – здрасте! Или выходите, или горите вместе с домиком.

Через день растаяло все, в грязь. А мы уже и не торопимся. Дело сделано.

15 злыдня 317 года. Вечер. Север. Лиса

Снег-то даже здесь, на севере, бывает только несколько дней. Это же не Ледяные острова и не горы. А так, грязь и холод. Ночью замерзнет, днем растает все в кашу. Хорошо хоть скоро весна. Отогреемся. Ждали начала караванов. Торговля восстанавливалась. Отсюда везли шкуры, мех, грибы, северный лес. С болот – «шикшовку». С юга тащили зерно. С гор волокли железо. С Центральной провинции купцы отгружали оружие, керамику, украшения. С портов приходило то, что свозили с Северных островов. Да и с Южных. Легче оплыть страну кругом по воде, чем тащиться по суше несколько месяцев.

На Северных и Южных островах и до моря не особо жаловали метрополию. Теперь и вообще, наверное, считают себя самостоятельными. Да и везде так. Каждый граф или барон вправе устанавливать свои законы. Власть столицы держится только на былом авторитете, на прошлых войнах. Когда разрезанную на части страну, раздираемую междоусобицами, объединили, причесали и разрешили жить по общим правилам.

Народ стал торговать, ездить, не боясь, по всем дорогам, учиться. Я тоже хотела в Коронну, в университет. Вряд ли бы получилось. Да и мор все перечеркнул. Кто занес эту заразу? Старшой как-то сказал, что как раз с Южных островов все и началось. Там на два года раньше вымерли первые деревни. Потом и нас накрыло.

Что было, то ушло. «Будем жить, пока живы». Вот ведь прицепилось... Пора лозунгом отряда делать.

Вошел Сержант. Как всегда помялся у двери.

– Пошли. Зовут.

– Чего там? К Старшине? – Я потянулась за оружием. Мои отношения с Сержантом давно вышли из положения «наставник – ученик». Жалко, что не перешли в положение... Ладно, молчать.

– Не знаю, старших собирают. Тебя тоже.

– Пойдем, – я встала, – куда-то собираемся?

– Да, вот это и надо решить.

Странный у нас все-таки отряд. И Старшина странный. И Второй. И Сержант. И Весло. И Братья. И остальные ветераны. И новички. И я. А уж страннее Старшого вообще никого нет.

И отношения странные. Иногда – командир приказал, и точка. А иногда, вот как сейчас, позовет, только по ему понятному признаку, несколько человек. Типа, посоветоваться. Сделает, конечно, как сам решил. Ну почти всегда.

Народу набилось битком. Так можно было и весь отряд собрать. Сам Старшина сидел у стола, потягивал свое пойло из кувшина. Второй притерся к печке, он вообще с трудом выносил холод. Брюзжание его в холодную пору становилось совсем невыносимым. Сержант сел на топчан, где обосновались ветераны: Весло, Синий и Пекло. Братья вместе с Барсуком сидели за столом напротив Старшины. Я прошла вперед и села на подоконник.

– Все? – Старшина оторвался от кружки.
– Да вроде все. – Сержант оглядел комнату.
– А где мой мазурик?
– Старшой, что ли? Так он на посту.
– Пошли кого из молодых его сменить. Он нужен.
– Во, боги, любимчика завел... а без него – никак? – пробухтел Второй, не оборачиваясь от печки.

– Лучше чайник ставь полный, похлебаем. Ром-то кончился.
– От этой воды уже живот пучит, – вставил Синий.
Братья с Барсуком согласно закивали.
– Может, за пивом в деревню кого-нибудь пошлем? – не отставал Синий. – Вон Братья быстро сбегают.

Братья, не сговариваясь, грозно обернулись на топчан.
– Обалдели, что ли? В такой холод еще пиво лакать... и так половина кашляет, – Старшина подлил себе из кувшина, – вон чайку лучше похлебайте.

Народ отвернулся. Я рассмеялась. Пить чай, который заваривает командир, можно было только с большого похмелья.

– Чего собрались-то? – не вытерпел Пекло. Старый ветеран, однополчанин Старшины, не привык к таким посиделкам.

– Так поговорить... Попоем, байки потравим. – Старшина хитро осмотрел всех, высунувшись из-за кружки.

– Сейчас тебе будут байки, – это уже Второй. – Как там? «Про мрак, ужас и скрежет зубовный...»

– Не пугай людей, разбегутся. Останемся с тобой вдвоем, чего делать будем...

– Не знаю как ты, а я напьюсь от радости, – повернулся наконец-то Второй. – Пить и твоим чаем запивать, чтобы уж наверняка окосеть.

Все заржали.

Вернулся Сержант, в комнату вместе с ним опять влетел холод. Второй начал снова напихивать печку.

– Где Старшой?

– Пошел на кухню зачем-то, сейчас придет, если повариха местная отпустит. – Сержант протянул лапы к огню, погрел их, потом сел рядом со мной, от его кольчуги несло морозом. – Дубак жуткий.

Дверь открылась, впустив очередной холод. Старшой быстро прошел и, не закрывая ее, двинулся к печке. Второй хотел прикрикнуть на него, но, увидев, что у того заняты руки, не стал. Дверь прихлопнули. Старшой аккуратно поставил возле печки большую кастрюлю, которую держал в руках, а под мышкой был зажат небольшой бочонок. Мужики оживились.

– Чего там? – подал голос Синий, привстав с топчана.

– Слишком маленький, на всех не хватит, – быстро прикинул Пекло, дергая его назад.

– Так Старшой не пьет, Лиса тоже. Командир свою баланду хлебает. Может, еще кто откажется.

– Сейчас тебя вычеркнем из списка. – Второй отодвинулся в сторону, давая место Старшому. Тот деловито доставал из кастрюли какие-то припасы.

– Ты там суп варить собрался, что ли? Нет? Ладно, начнем, не мешает. – Старшина повернулся к столу. – Значит, так. Дело такое. Смогли мы наконец, с помощью богов, разобратся с одной картой...

Старшой от стола фыркнул. Он поставил кастрюлю на печку, вылил в нее воду из чайника и стал нарезать туда же лимоны и еще какие-то вкусно пахнущие травы.

– Ну не только с помощью богов, – поправился Старшина, – но и с помощью некоторых нескромных поваров.

Старшой опять фыркнул. Большинство смотрели на него, а не слушали командира.

– Ты вари давай, а не фыркай. Что ж ты делаешь?

Это уже был общий возглас. Синий с Пеклом аж привстали. Старшой выковырял пробку из бочонка, по комнате разлился аромат рома, но вместо того, чтобы разлить его по стоящим тут же кружкам, Старшой начал выливать спиртное в свою кастрюлю с травами. Я засмеялась. Отец тоже иногда зимой варил для нас с братом и матерью такую штуку. Травки были другие. Пахло похоже, но дух от грога Старшого был сильнее и приятнее.

На Старшину уже и не смотрели. Какое там: запах выбивал все мысли. Подождав несколько минут, Старшой бросил в кастрюлю еще что-то, от чего стоявшие рядом одновременно выматерились.

– А цвет-то, цвет... – прошептал кто-то. Мне из-за спин не было видно.

– Как твой нос – красно-синий, – ответил Сержант.

Все опять заржали.

– Тихо, горячо очень. Отодвиньтесь, разливаю. Пить горячим. – Старшой взял одну кружку и быстро стал наполнять остальные. Запах вновь наполнил комнату. Второй со своей кружкой и кружкой Старшины, пятась, выполз из толчеи. Подмигнул мне:

– Иди, не достанется.

Я махнула рукой. Сержант уже шел ко мне с двумя кружками в руках.

Наконец все расселись. Стало тихо. Слышалось только причмокивание, прихлебывание и восторженные вздохи.

– Так чего ты там хотел, командир? – оторвался от кружки Пекло.

– Попробовать звал, босяки.

Все заржали.

– Тихо, кони, горячо, расплескаю. Мы что-то похожее варили в походе, но попроще, конечно.

– У нас тоже было. В засаду нельзя, пахнет сильно, а после ночной хорошо идет. – Весло допил свою порцию. – Ух, молодость вспомнил, спасибо. Где ты раньше был, Старшой...

– Лимоны увидел на кухне и вспомнил. И травки нужные. Там другой ром нужен, а не это... Но что есть.

– Как боги по душе босичком пробежали.

Братья заглянули в кастрюлю. Там еще плескалось.

– Караулу отнесите, только нагрейте снова. Кто там стоит? – Второй с сожалением поставил пустую кружку на стол. – Хоть согрелся.

– Кувалда с Рыбаком... – Сержант начал вставать.

– Сиди, а то опять уйдешь... пусть вон Братья отнесут. Донесите только, а то знаю я вас!

– Все, согрелись – к делу. – Старшина расстелил на освободившемся столе потрепанную карту. – Есть местечко, где во время мора много чего прикопали. И вполне возможно, что все, кто о том знал, не дожили до этого светлого дня. А может, там и пусто уже давно. Но пройти мимо и не посмотреть – было бы неправильно.

– Так в чем проблема? Сходим. – Синий продолжал нюхать кружку.

– Проблема в том, что если кто-то об этом тоже знает и ищет, то мы там можем нарваться на грубость. В живых оставлять не будут. Уж очень там много всего должно быть.

– А чего именно? – Это я не вытерпела.

Старшина обернулся ко мне:

– Не знаю. Но возов было много. И везли из разных мест.

– Может, кто из благородных просто себе схрон готовил, – Сержант тоже решил выступить, – и все там сгнило уже давно.

– Может, и так; говорю же – не знаю. Но охраняли это все люди из секретной службы герцога, которые при отходе попали в засаду. И все, что досталось нападавшим, – интересная карта. Очень необычная. Не эта. Это копия, которую один человек, сильно опасавшийся за свою жизнь, тихонечко перерисовал и спрятал.

– А что за человек? – Это Весло, для него нет незначительных деталей.

– Человек не зря опасался за свою шкуру. Ему ее попортили. Я там оказался случайно. Почти. И сказал человек, что оригинал карты не сохранился. А с его, то есть с этой копии, сняли еще одну, но похуже качеством и без некоторых деталей.

– Так сколько лет прошло! – Сержанту идея шариться по лесам в поисках не пойми чего явно не нравилась. – Или раскопали уже, или так заросло, что не найдем ничего.

– Вот, а некоторые умники, – Старшина покосился в сторону печки, где на дровах сидел Старшой, – говорят, что зарости не могло, больно там высоко.

– Ага, высоко в этих горках, значит снега по самые... – Сержант оглянулся на меня.

– По пояс, короче, – заржал Синий.

– Тебе по пояс, Сержанту по ... – вставил Весло.

Все покатались со смеху. Вернувшиеся Братья недоуменно вертели головами, пытаясь понять, не над ними ли смеются.

– Не к добру ржем, – опять забубнил Второй. Он опять привалился к печке и, похоже, готовился вздремнуть.

– Тьфу, сглазишь, добрый человек, – плюнул Старшина, – сам-то что по этому поводу думаешь?

– Я уже все сказал, но у вас же в одном месте все равно будет свербеть: «Надо дойти, посмотреть тихонько». А потом опять кровища и суeta ни за пшик.

– Так, может, действительно, тихонечко – двум-трем сбегать. – Весло мог бы и один сбегать. Профи: не отымешь, не прибавишь. Сколько раз я видела, как он отступал с тропинки в лес и – исчезал с глаз. Лишь моя следопытская выучка иногда позволяла понять, куда он делся.

– И что? Дошли двое, начали копать. А если там и впрямь есть что? Опять закапывать? А другие желающие просто смотреть будут, пока вы обратно за отрядом вернетесь? Нет, если уж идти, то всем.

– Легенда нужна, – подошел к карте Старшой. – Пришел отряд. Зачем? Каравана нет, заказа нет. Зачем пришел? Если там действительно ждут и ищут, то сразу напрягутся.

– Ну и какая легенда подойдет? – Второй приоткрыл один глаз.

– Это ты уже дымишься? Отодвинься, мерзляк южный. – Старшина дернул Второго за рукав. – Легенда, легенда... Не знаю.

– Пришли работу искать, – встрял Синий.

– Ага, в двух декадах пути от тракта.

– Чего? Туда две декады плестись? – зашумел народ.

– А чего тогда мы вас позвали, упыри? Было бы рядом – никто бы и не спрашивал. – Командир передал чайник со своим варевом Старшому. – Поставь на печку, пусть подогреется.

– Может, там и нет никого, зря волнуемся, – Сержант почесал шрамы на голове, – только время потеряем.

– А если там человек сорок?

– Вариантов всего два... – Старшой налил Старшине и себе чаю. – Кому еще? Никому? Два варианта. Или тот, у кого вторая карта, уже все давно выкопал, и там пусто, или он оставил там человечка на пригляд. Держать там большой отряд негде, да и дорого столько

бездельников кормить. Вот, и когда этот оставленный человечек увидит нас, то свистнет своему начальнику. И брать нас будут уже на выходе. Они же понимают, что в горы мы дальше с товаром не полезем, а будем возвращаться на дорогу. А они в это время соберут людишек...

– Тебе бы книжки писать, а то ты только чужие читаешь нам, – съязвил Второй.

– А легенда может быть простая, – как ни в чем не бывало продолжал Старшой, – сопровождаем благородного человека в поисках чего-либо. А лучше – кого-либо. Мол, жену или сына ищет. Здесь где-то во время мора потерялись. Сейчас сколько семей до сих пор друг друга ищут после карантин и прочих вещей...

– Где ж мы благородного возьмем? – Пекло засмеялся. – Наймем?

Шутку оценили. Бойцы радостно заулыбались. Синий в хохоте повалился на топчан.

– Наймем! Благородного! Ха. За еду.

– Идея хорошая. – Старшина тоже обрадовался. – Нанимать не будем. Свои есть. У кого кирасы побогаче? И манерами кто подойдет?

– Второго можно, – посоветовал Старшой. – Справится.

– Вот спасибо, – Второго это не обрадовало, – сам иди, раз такой умный. Рожа смазливая, стишки читаешь: благородный и есть.

– Так кого? – Старшина переводил взгляд с одного на другого.

– Пусть оба будут, – не вытерпела я. – Отец и сын, тут уж никто не подкопается.

Все радостно загалдели.

– А чего? – Пекло закивал головой. – Они даже похожи. Оба... Оба...

– Как шило в заднице, – закончил Старшина.

– Это точно, – прокряхтел рядом со мной Сержант.

– Ну что, сынуля, – повернулся от печки Второй. – Если что – наследства лишу.

Все снова легли от хохота.

– Вот и славно. – Командир отставил свою кружку. – Оставим двоих со всем добром в ближайшем городке, чтоб не таскать лишнего. А сами пойдем. Вдруг повезет...

10 ветряка 317 года. Вечер. Северные отроги. Сержант

Не повезло. Сначала все шло нормально. До поворота. Обрядили Второго со Старшим получше. Не особо и старались. Второй и так носил дорогое снаряжение и красивый шлем, что остались еще от его командирства в старые времена. Старшой вытащил свои нарядные ножны – до этого носил свой шикарный меч в обычных, чтоб не сверкать.

Кто понимает, тот и так знает, что благородство – не в золотишке, а в манере и словах. Старый герцог, говорят, в солдатском панцире ходил. Но носил его так, что все в струнку вытягивались при его виде. Говорил, что удобный. Мол, по его размеру склепали и чтоб к старости не растолстеть, он его всю жизнь носить и будет. Ну, в походе, конечно. В столице же – при полном параде. Как-никак...

Сошли с тракта, доползли до первой деревни. Народ при виде нас разбежался. Походили по пустым дворам, решили не останавливаться. Через три дня подошли к верхней деревеньке. Там разбежаться не стали. Некуда. Дорога одна, вниз. Вверх – только тропы. Переночевали. Местные таращились. Для виду Старшой и Второй расспрашивали всех про жену-мать якобы. Понятно, что никто здесь никаких женщин чужих за последние двадцать лет не видел.

Устроили показательную ругань. Сынок орал, что надо вниз идти по тракту, а папаня-Второй едко так отвечал, мол, молод ты еще батьку учить, и пойдем дальше в горы; мол, какой-то там охотник кого-то там не понять где видел, и я сказал...

Барон сказал – барон сделал. Поперлись вверх. А пара рож в деревне очень странно на нас смотрели. Оценивающе. Хорошо еще, что мы изображали пьянь солдатскую,

что кроме гонора и нет ничего. Так, сброд, легкую деньгу зашибить. Второй так в роль вжился, что перед уходом полчаса нас материл во всех подробностях. Мол, впервые такую шваль видит, и зря он нам пообещал заплатить, и на какой – контулуковский еж нам всем в... – мы ему дались. И как он от нас устал, и как мы ему все надоели. А Старшой, паскудник, поддакивал. Мол, верно, папаня, верно. Потом не выдержал, уехал вперед, и там, уже за поворотом, проржался.

Все бы ничего, да такой дубак начался... Холод и ветер. А лесу почти не осталось, голые отроги, и снегу все больше и больше. Тоска.

12 ветряка 317 года. Вечер. Северные отроги. Второй

Отошли от верхней деревни на два дня пути. Шли по самому широкому ущелью, как удобнее, не таясь. Ночью выпал снег, засыпав все следы. Отошли еще на переход, оставив засаду. К вечеру один прошел по нашим следам, увидел, что пошли дальше вверх, и вернулся. Весло с Братьями не стали себя выдавать и отпустили его. Стало ясно, что место все же пасут. Искомая долина, судя по карте, была чуть в стороне, но тоже проходима, да и как иначе – подвозили-то телегами. Если верить, конечно, тому жмурику, что скончался у Старшины на руках еще пять лет назад.

Старшой завел в небольшой распадок, с картой шел он. Мы со Старшиной догнали его.

– Что, почему сюда?

– Дальше леса не будет. Здесь и от ветра закроемся, и дрова есть, выше ничего нет.

– А если припрут? Выход-то только один.

– Караул поставим. Прийти-то тоже только снизу можно. Зимой по склонам вряд ли полезут. Скользко. Не сезон.

Старшина молчал. Похоже, ему самому уже не нравилась его же идея с этими поисками. Но, боги, как же холодно...

Поставили обе свои телеги с наветренной стороны, чтоб не так дуло. Запалили костер. Выставили караул, чтоб в долину смотрел. Давно я так не мерз. Ночью не выдержал, встал, разжег костер. Потихоньку почти все с лапника подползли поближе. Погреться. Сам поставил снег топиться на чай. Все равно не сплю. Начало светать. Бойцы с трудом разминали окоченевшие члены. Во, хорошая присказка: «Разомнем окоченевшие члены». В лучших традициях тонкого солдатского юмора.

Старшина совсем плох. Накинул на него еще одну попону. Только нос торчит. Похлебали из котелка горячего.

– Бери Старшого с картой, Братьев, Лису как следопыта, Сержанта с Веслом, еще пару человек – копать, если найдете вдруг. Из стариков. Синего. И Немой пусть идет. Молодых оставь со мной... – Старшина закашлялся, – меньше будут знать. Постарайтесь не наследить. Ждем вас здесь до упора. Если что не так и придется уйти, тогда пробиваемся сами по себе и встречаемся уже там, где Пекло оставили со скарбом. Ты знаешь, куда он уйдет. Сержант тоже знает. Знак я оставлю, поймете. Надеюсь, не понадобится, и дня через два-три придете.

– Хорошо. Не хотелось бы там ночевать.

– За день все равно не успеете. Если не найти, то и боги с ним. Возвращайтесь.

– А если вас подожмут снизу?

– Уйдем. Я вместе с молодыми драться не буду, сам знаешь. Поэтому за спину поглядывай. Старшой сказал, что здесь можно перелезть и уйти вниз, судя по карте. Давай. До скорого.

– До скорого.

Пошли. Снегу было сначала по колено. Тяжело стало, когда стали перелезать хребет. Там борозду оставляли за собой по пояс. Снег был промерзший, сухой, как крупа. Не при-

минался, а осыпался сзади, почти полностью засыпая наш след. Вылезли наверх. Там ветер сдул все до камней и льда. Старшой повернул по хребту.

– Старшой, куда? Нам же в ту долину.

– Давай поверху пройдем, здесь тропить не надо. А в нужном месте спустимся вниз.

– Правильно, – поддержал его Сержант.

– А если там круто?

– По карте там ручеек, по нему и сползем.

– Ну давай; карта у тебя, сынок.

Ухмыльнулись. Наверху дуло прилично, но в бок, а не в рожу. Нашли старую ржавую кирку, зажатую между камней для ориентира.

– Это что? Опоздали? – Настроение, и так поганое, еще больше упало.

– Нет. Здесь же штольни кругом старые. Что только не копают... Я думаю, что наш подарочек тоже в какой-то старой шахте спрятан. – Старшой не сбавил шаг.

– Почему?

– Ну а где несколько возов можно спрятать? В пещере? Вряд ли. А дырок нарытых кругом полно. Спрятали и присыпали.

– Похоже на правду. Как найти только?

– По карте это почти в ручье нарисовано. Значит, штольню в старом русле копали, где уже промыто, копать легче. Найдем.

– Ну-ну. – Разговаривать на таком ветру было неудобно.

Быстро, за пару часов, добежали до нужного места. Если бы шли по долине, точно провалялись бы весь день. Стали сползать.

– Точно здесь?

– Здесь. Вон гора, вон изгиб долины. Напротив два ручья, а вот наш: сначала пологий, потом ступенька, но должна быть проходимой.

Спустились до ступеньки. До обрыва. Что за ним – не видно. Мести стало еще сильнее. Снег кружил со всех сторон, скорее бы вниз. Так там леса нет; где прятаться будем, не знаю.

– Ну, куда завел, Старшой?

– Давай вожжи. Братья держите меня, травите веревку потихоньку.

Старшой, обвязавшийся вожжами, подошел к обрыву, заглянул туда, обстучал ногой снежный карниз, который провалился под ним. Старшой ухнул вниз. Братья с Сержантом вцепились в веревки. Я подбежал к краю.

– Трави, трави, – слышалось снизу. – Нормально, отпускайте.

Старшой висел в воздухе. Обрыв был в два роста, дальше переходя в пологий склон. Я махнул Сержанту. Ветер окреп так, что думать было некогда. Резво попрыгали вслед за Старшим. Дальше шли еще две ступени. Одна длинная, но пологая. Снег на ней укатился ветром до ледовой корки. Съехали, кто на животе, кто на попе. Хорошо, что внизу надуло большой сугроб, в него и воткнулись. Если бы вынесло на камни, сломанными руками-ногами не отделались бы.

Последняя ступень была роста в три, очень крутая, и заканчивалась на дне ущелья, на камнях, с которых ветер выдул почти весь снег. Спустились на вожжах, последний, Немой, прыгнул в сугроб, который образовался внизу от нашего спускания.

– Это здесь, – покрутил картой Старшой. – Надо ночевку придумывать.

– Жуть, замерзнем. Ищи свою пещеру, Старшой. – Рук я уже не чувствовал.

Народ присел у снежной стены, где не так сильно дуло.

– Скоро стемнеет, нас тут сдует за ночь. – Старшой вытащил меч и стал тыкать им в снежную стену. Меч уходил в сугроб без сопротивления.

– Так... Сержант, Весло, идите сюда. – Старшой отошел от того места, где резал мечом, вдоль стенки. – Берите мечи, вы самые сильные, и нарежьте из снега вот такие примерно

кирпичи, – «сынуля» Старшины выпилил из сугроба снежный брусок. – Только ровные. И быстро.

– Зачем? – Сержант недоверчиво смотрел то на Старшого, то на кирпич.

– Ночлег будем строить. Быстро, а то замерзнем. Братья, Синий, сюда.

Холодно было так, что эта решимость в его голосе и командирские нотки действовали.

Старшой очертил в снежной стене, с которой мы упали, линию. В рост и шагов десять в длину.

– Копаем, убираем снег. Делаем пещеру. Быстро. Немой, Лиса: они мечами режут, а вы оттаскивайте его сюда, к ветру.

– Так, может, из него кирпичи и нарезать? – проявила Лиса смекалку.

– Нет, долго будет. Сейчас стемнеет. Все, работаем; быстро, быстро.

– Так, а мне? – Не знаю, что он задумал, но хотелось просто погреться.

– Таскай кирпичи от Сержанта сюда. За работу.

Пошел туда. Сначала ничего не получалось. Снег ломался. Потом, когда выпилили в сугробе нишу, дело пошло. Весло тремя взмахами отсекал грани, а Сержант аккуратно подбивал ногой. Мне оставалось только принять ровный кубик на руки и отнести к Старшому. Там, тоже желая согреться, Братья с Синим, словно настоящие шахтеры, накромали снег в нише, и теперь все выгребали его в сторону, и Старшой заставил Лису внутри ровнять потолок и стены, а Немого – выкладывать из снега стенку вплотную к горе и поперек ущелья.

Я скептически посмотрел на получившуюся пещеру. Как она спасет нас от холода – непонятно. Даже ветер, задувающий по каньону, влетал в нее. Старшой принял от меня кирпич и поставил к склону, закрывая искусственную пещеру стенкой от долины.

– Там же в снегу холодно будет, как в могиле... – Меня передернуло.

– Здесь будет еще холоднее.

– Я туда не полезу. – Меня уже трясло.

– Ты лучше беги за следующим, тебя от холода трясет, грейся. – Старшой выровнял у кирпича верхнюю грань. – Братья, помогайте Второму.

Дело пошло. Немой с Синим поняли, что делает Старшой, стали помогать. Лиса ровняла кирпичи и затыкала кусками снега щели в стыках. Через десять минут пришлось звать Сержанта, как самого высокого, чтобы аккуратно положить верхний ряд. Причем Старшой заделал проем целиком, без входа, замуровав там Лису.

– А как заходить? – Братья смотрели на глухую стенку.

– Сейчас. Лиса, отойди вглубь! – Старшой вытащил меч и стал медленно прорезать лаз почти над поверхностью в углу между нишей и стенкой, которую сделал Немой. Кусок снега выпал наружу, в образовавшийся проход можно было протиснуться только на четвереньках. Лиса выбралась наружу.

– Отряхиваем снег с одежды. Тщательно, а то будет совсем сыро. Лиса, Немой, залезайте внутрь. Лиса, держи лампу, запали там. Немой, принимай вещи. Расстилай попоны вдоль стены.

Сержант всунул внутрь голову.

– Сержант, давай внутрь, вроде пролезаешь. Встань там и в углу наверху проковыряй маленькую дырочку, чтоб проветривалось.

– Так тепло будет уходить, – не выдержал Синий.

– Будет уходить – заткнем. – Старшой не выпадал из роли командира. – Главное – пар выпустить.

Мы с Братями и Веслом стояли за стенкой, прячась от ветра. Внезапно вся искусственная кладка озарилась красивым светом изнутри. Лиса зажгла лампу. Братья ахнули. Темнота сразу сомкнулась вокруг нас. Оказывается, уже почти стемнело. Весло воспользовался тем,

что Лисы нет рядом, отошел на минутку за стенку, а потом полез внутрь. Вход уже завесили попоной. Старшой высунулся наружу, дал Братьям котелки.

– Напихайте снега.

– Что, и чай будет?

– Будет, залезайте.

Скоро на улице остался только я один. Темнота накрыла ущелье полностью. Ветер свистел наверху страшно. Вниз долетал уже только частью, со снегом в виде мелкой сухой крупы. Холод пробрался уже до сердца, но лезть внутрь снежной горы я не хотел и все ждал, когда остальные там окоченеют и полезут наружу.

Дождася. Вылезла Лиса. Без куртки! Помялась возле меня и завернула за стенку.

– Второй, ты бы залез внутрь. Там тепло. А то мне неудобно...

Засунул голову в лаз.

– Быстрее, тепло не выпускай! – Синий втянул меня внутрь.

Пещерка была ярко освещена лампой, стоявшей у стены. На второй лампе стоял котелок, куда Весло бросал какие-то куски. И было тепло! Бойцы сидели на пополах вдоль стенок. Без шапок, и в расстегнутых куртках.

– Пустите Второго сюда, – Старшой помахал мне рукой. – Тихонько проползай, тут теплее.

Удивительный человек! Из снежной могилы сделать теплый и светлый дом... Сержант с Веслом – всяко много повидавшие, но и то удивленно крутили головами. Братья уже посапывали, вытянув ноги. Немой с Синим зашивали куртки, воспользовавшись теплом и светом. Вернулась Лиса.

– Там ужас. Темно, холодно, хорошо еще стенку сделали, хоть во вход не дует. А так – с ног сбивает.

Я оглянулся на вход. На него повесили попоны Старшого и приткнули снизу сумками с едой.

В котелке забулькало. Весло хотел погасить лампу, но Старшой его остановил.

– На утро натопи воды, да и сейчас в тепле посидим.

Весло сварил что-то вроде бульона. Всем досталось по миске, горячего и слегка соленого. То что надо.

– Старшой, ты где в такой норе ночевал? – Синий задал общий вопрос.

– Первый раз, не поверишь.

– А откуда знал?

– Читал, как на Северных островах охотники делают. Там вообще без пещеры, только из снежных кирпичей, домик строят. Но это надо уметь, с первого раза ни у кого не получается. А когда надо быстро, роют пещеру. Нам здесь со склоном повезло. Было бы меньше снега, пришлось бы повозиться. – Старшой стал вытирать свой меч от влаги. Вся одежда потихоньку парила. – Вроде неплохо получилось.

– Отлично! Сейчас очоурились бы там, на холоде. Ты, Второй, ему деньги на книжки все-таки давай. Пригодится.

Хохот чуть не погасил лампу. Братья со сна схватились за мечи.

– Тихо, тихо, все свои. – Синий откинулся на спину.

Я прислушался. Даже ветра почти не было слышно.

– Как там Старшина на таком ветру?

– У них хоть костер, переночуют.

– Ага, если не сдует вместе с костром.

– Там место удачное. – Старшой снял котелок с водой и загасил одну лампу. – На утро оставим. А эта пусть тихонько горит. Все теплее. Я так понимаю, что караул ставить не будем? – Он вопросительно обернулся на меня.

Вот боги... Так пригрелся, что не подумал. Мы с Сержантом виновато переглянулись.
– По следам нас не найдут, если что? Да и в такую погоду вряд ли кто будет тут бегать. – Сержант покрутил головой.

– Следы замело уже точно, в темноте нас только по лампе можно увидеть. Но из долины она не видна. Спим спокойно. – Старшой опять оглянулся на меня.

– Спим, – подтвердил я. – Кто ночью по своим делам ползет, слушайте снаружи.

Лампа погасла уже поздно ночью. Было не жарко, но все равно теплее, чем прошлой ночью у костра. Выспался даже. Со снами. У меня всегда, как из напряжения в нормальное состояние, – сны на всю ночь.

Снилось море. Южное. Теплое. Прозрачная вода. Еще что-то. Не помню. Но хорошее.

13 ветряка 317 года. Утро. Северные отроги. Синий

Проснулся утром от тишины. Обычно что-то будит. Кони фыркают, дрова стреляют... ну хоть ветер свистит. А тут тихо. Испугался даже, что нас завалило совсем. Потом присмотрелся, что в отдушину парок уходит, значит, все нормально. И светает потихоньку там, снаружи. Все спали.

На мое шевеление поднялся Весло. Оглядел всех. Встал тихонько, накрыл своей попоной Второго. Зажег лампу, поставил котелок.

Я откинул попону на входе. Все-таки присыпало снегом. Сунул руку, пробил сугроб наружу. Ух и холод там... Попытался вылезти – и застрял. Так бы и барахтался. Весло сзади схватил мои ноги, и как ершик вытолкнул изнутри. Вылез следом.

Ветер стих полностью. Чуть светало. Небо сверкало темной прозрачной голубишной. Мороз страшный. Надо перетерпеть. Встанет солнце – отпустит, даже тепло будет, ветра нет.

– Как ты? – Весло вышел из-за стенки, поправляя штаны.

Я свернул туда же.

– Если бы кто мне сказал, что буду в снегу спать и радоваться, я бы ему в рожу плюнул. А тут как в сказке.

– Это точно, – Весло стал потягиваться и наклоняться в разные стороны, разминая мышцы, – со сказочником повезло.

– Сильно повезло. Где вы вообще его откопали, который раз нас из задницы вытаскивает. Кто он, в самом деле? – Я тоже стал припрыгивать.

– Ну не простой человек, это точно.

– И чего с нами болтается?

– Так мы все тут не от хорошей жизни. Вспомни, где сам к Старшине прилип.

– Где, где... В тюрьме. Они меня с Пеклом оттуда и вытащили. А так бы и сгнил там. Шибко местный барон был на меня в обиде. Ты знаешь.

– Знаю. Вот и Старшой чем-то обижен. Ищет кого-то. А кто, что... С нами, и хорошо.

– Это точно.

Залезли внутрь. От лампы, да с мороза, просто благодать, тепло. Согрели воду, растормошили народ. Горячий чаек, да с вяленным мясом, хорошо пошел. Второй из-под попоны вообще вылезать не хотел, так пригрелся. Рассвело. Через стенку свет стал проникать и внутрь.

Потихоньку стали выползать. Старшой с картой начал ходить вдоль склона, пинать снег ногами. Лиса и Немой ходили следом за ним. Остальные стояли внизу.

– Второй, ну чего делать будем? – Я оглянулся на ветеранов.

– Вон у нас сегодня есть начальник. Пока неплохо справляется. – Ночевка в тепле привела Второго в благодушное настроение. – Иди и помоги, чего стоишь?

– А вы?

– А мы в карауле.

Тьфу. Залез к верхней троице. Они поднялись на первую ступеньку. Я думал, что ветер за ночь завалит все снегом. Оказалось наоборот. Снег сдуло почти полностью. Голые камни торчат по склону. Наших вчерашних следов вообще не видно. Немой что-то показал Старшому.

– Почему?

– ... – Немой потыкал рукой в склон.

– А... понятно, ты прав, – и Старшой повернулся ко мне.

– Чего? – не вытерпел я.

– След от выработки видишь?

– Нет. Где?

– Вот. Шахту копали, землю выносили, поэтому один край у склона пологий, а второй крутой. И там камень, видишь, крупный. А здесь только щебень битый.

– Где ж тогда вход?

– Засыпали. Хотя как они это сделали – не понимаю... – Старшой походил по склону. – Должно быть здесь.

Я взял кирку у Немого и стал стучать по смерзшейся земле. Крошки полетели, но толку было мало. В это время сбоку свистнули. Я поднял голову. Лиса, которая прыгала по большим валунам слева на склоне, махала нам рукой. Попробовали подойти к ней. Я чуть два раза не упал. Первый раз удержался сам, второй раз поймали Старшой с Немым. Пожалел, что не остался со стариками. Золотишка захотелось... идиот, сейчас ноги тут сломаю, и все. Добрались до Лисы. Та уже спрыгнула в щель между двумя здоровенными валунами и залезла под один из них.

– Чего там?

– Да вот, уронила перчатку, слезла, а тут – смотри...

Слез к ней. Немой со Старшим остались наверху.

– А как ты одна наверх вылезла? – Я посмотрел на огромные камни.

– Сама не знаю, взлетела от страха. – Лиса показала мне две доски, присыпанные мелкими камнями, которые стояли в расселине между глыбами. – Доски откуда здесь?

– Пусти... – Я пролез вперед, киркой поддел крайнюю доску и рванул на себя. Досок оказалось не две, а все четыре. Выдернув их из щебня, мы увидели лаз, уходящий внутрь. Небольшой, но на четвереньках можно было пролезть. Старшой спрыгнул к нам.

– Не похоже, что сюда несколько возов зачихнули. Немой, давай лампу.

Ползли. Немой с лампой, Старшой и я. Лиса осталась снаружи. Ход, сначала непонятно как получившийся, через несколько шагов, которые мы проползли на карачках, стал явно рукотворным. Стенки были обтесаны, а вскоре встретилась крепь, поддерживающая потолок. Лаз вывел в большой штрек. Встали на ноги. Горизонтальный штрек в рост человека и такой же ширины вел от места на поверхности, где я колотил камни снаружи. Подошли. Выход закрывал деревянный бревенчатый щит, который стоял под углом, явно повторяя склон. А оттуда насыпали камней. Не найдешь, если не знаешь, где копать.

Старшой повернулся внутрь горы.

– Синий, зови остальных. Только пусть дозорного оставят, а лучше двух.

– Можно, я с тобой? – Золотой дым все еще туманил мне голову.

Старшой рассмеялся. Немой улыбнулся и полез в лаз к Лисе.

– Пошли, посмотрим, что там дальше. – Старшой, держа лампу над головой, повернул в глубь горы. Штрек без поворотов, с легким наклоном вниз, уходил внутрь. Прошли несколько шагов, справа и слева от основной галереи открылись небольшие каморы в пять-шесть шагов внутрь и столько же в ширину. Старшой посветил в правую. Из длинных дере-

вянных ящичков сложены подобие топчана, стола и скамейки. Стоят огарки свечей, кувшин и глиняные кружки. На топчане валяется старое одеяло.

Старшой светил, я поднял крышку с ящика, служившего скамьей. Внутри лежали армейские мечи в промасленной пакле.

– Тут на небольшой отряд хватит... – Я стал открывать остальные ящики. Панцири, стрелы, разобранные арбалеты. Последний ящик был закрыт сургучной печатью.

Из штрека появились Второй, Сержант с лампой и Весло. Братьев оставили снаружи, не повезло им. Старшой осмотрел печать. Стилизованная буква «К» в квадратной печатке. Без всяких украшений и излишеств.

– Чья? – спросил я.

– Печать Корроннского герцога. Вскрываем?

– Давай, – Второй смотрел из-за плеча, – не врал человечек Старшины.

Печать треснула, я поддел засов клинком, дернул. Крышка отвалилась. Тоже оружие, но дорогое. В золоте, украшениях, и все в какой-то вязи по лезвиям и ручкам. Два меча в дорогих ножнах, стилет, пластинчатый панцирь, шлем. Один шлем окупал весь наш поход.

Сержант позвал из второй комнатки. Пошли туда. Ящик в ящике, и уже в нем – сундучок золотых монет, мешок серебряной мелочи. Нашли все-таки.

Похлопали Старшого по спине.

– Добытчик, все боги тебе в помощь! Тут наш заработок за год, если не больше.

– Больше, больше... – Второй приподнял сундучок. – Тяжелый!

Старшой с лампой уже шел дальше вниз. Штрек шел без ответвлений, наконец показали такие же комнатки, как и первые. Всякая рухлядь. Здесь явно ночевали, одна использовалась как кухня. Дальше еще несколько пещерок, так же отходящих от главного ствола. Штрек сузился и разошелся ходами, подобно тому, через который мы влезли.

– Это по жилам ходы пошли. – Старшой посветил в один из них. – Надо слазать, но вряд ли что-то там интересное.

Я попятился:

– Не, не полезу...

Из-за моей спины вышел Немой, взял у Старшого лампу и исчез в правом штреке.

Вернулись к первым комнатам.

– Ну что, доволен, Старшой? – Весло держал в руках богатый меч, вытасченный из ножен. – Игрушка, конечно, не для драки; не то что твой, с болот. Но дорогой же, наверное, зараза!

Сержант рядом примеривал шлем. Покрутил головой, снял, положил в ящик.

– Обманка все это. – Старшой пнул доски ногой.

– Не понял, – Второй вопросительно посмотрел на нас, – а золото?

– Вспомни, что Старшина говорил. Несколько подвод. Несколько, как я понимаю, это три-четыре, а тут всего на одну. Ну и еще одна – продовольствие везти для тех, кто прятал. И все.

– А золото? – это уже я опять не вытерпел.

– Это для дурачков, чтобы дальше не искали. Это или другая нора, или здесь еще что-то есть.

– А оружие?

– Тут еще интереснее. Это клеймо на всем. Все очень дорогое и заметное, явно продавать понесут. Тут-то всех и повяжут. Вернее, порежут на лоскуты. Так что можете не мерить. Это нужно все аккуратно на место положить.

– И золото? – это опять я.

Старшой посмотрел на меня, засмеялся:

– Ну золото – оно и в контулукской чаше золото. Если каких-нибудь непонятных монет нет, то можно и забрать.

Старшой зажег от сержантской лампы огарок свечи, отдал Лисе:

– Посвети мне, пожалуйста, – и пошел вдоль стены правой комнатки.

Я устался на Второго. Тот шевелил бровями, потом потер голову руками. Сержант и Весло стояли рядом.

– Ну, что делать будем? – Я попытался поднять сундучок.

– Ищем, что здесь еще есть.

Прошли по комнаткам. Обстучали все стены и полы. Ничего. Вернулся Немой. Весь в грязи. Покачал головой, протянул две старые кирки, небольшие, со сгнившими деревянными ручками, но с очень красиво выкованными головами.

Стопились у выхода. Старшой все ходил по штреку.

– Не здесь? Или уже унесли? – Второй опять впал в раздраженный тон. – Эй, командир землекопателей, командуй выход.

– Во, понял, – Старшой замахал огарком, – идите сюда. Смотрите. Первые комнаты отошли от штрека, потом двадцать шагов и следующие, потом десять и следующие, потом десять и следующие, потом снова десять. Ничего странного?

– Думаешь посредине еще отводы?

– Так... вот середина, вот две крепки стоят, между ними вроде стена. Немой, стукни своим топором.

Стена гулко загудела, после второго удара камень упал внутрь. Дернули на себя край. За отвалившимся куском стены стала видна такая же комната, как и остальные. Посветили, комната почти доверху была забита такими же дощатыми ящиками.

– Хрень господня, сколько же их! Так, а напротив?

Весло с Сержантом уже без команды ломали стену напротив. Те же ящики. Выдернули один в штрек. Тяжелый, но не золото. Жаль. Сбили замок. Внутри оказались мешки из хорошей кожи, плотно завязанные и с теми же сургучными печатями.

– Еще хуже, чем я думал. – У Старшого явно упало настроение.

– Что там?

– Ну открывай, только аккуратно.

Папки с бумагами. Свитки. Какие-то тетради, заполненные разными почерками. И остальное, в том же духе.

– Старшой, так книжки для тебя, чего ты расстроился? – Я попытался развеселить его.

– Если это то, о чем я думаю, а это – то самое, то нас порежут только за то, что мы это видели.

– За бумажки-то? – Я пока не испугался.

Второй, Сержант и Весло встревоженно смотрели на Старшого.

– Это архив. Или тайной службы Корроннского герцога, или самого герцога. Или и то, и другое. Что там наверху привязано?

Лиса влезла в дыру, сняла мешочек, висевший над ящиками, передала Второму. Тот развязал, на ладонь упал старый бронзовый амулет на простой веревочке. Четвертинка бронзового круга. Бронза помутнела, и было не понять, написано там что-то или нет. Старшой побледнел и схватился рукой за грудь.

– Во, Старшой, на твой похож. Почти такой же. – Второй передал ему пластинку.

– Да, почти такой. Я заберу?

– Бери. И командуй, раз разбираешься. Что возьмем? Бумаги точно не пригодятся? Шантаж там, продажа и прочее...

– Нет. Значит, так. Этот ящик обратно, и дыры заложить. Немой, Синий, попонами заткните и землей закидайте, чтоб в глаза не бросалось. Золото пересыпать в мешки. Сун-

дучок обратно. Хоть горсть оставьте. Оставь, оставь, а то удачи не будет... Шучу, может, кому понадобится. Оружие – на место. Лиса, своим острым взглядом посмотри, чтобы после нас следов не осталось. Не было нас тут. Что, Немой? Кирки? Забирай, это искать не будут. Кстати, надеюсь, что всем понятно: про бумаги не надо никому говорить. Даже нашим молодым. Целее будем. Все, уходим.

Вылезли наружу. Один из Братьев стоял у лаза, второй – на повороте долины. Солнце освещало оба склона, после темноты глаза даже заслезились. Ветра не было, тепло. Лаз заткнули досками, засыпали щебнем. Сержант с Веслом катанули вдобавок здоровенный камень. Если не знать, то ни в жизнь не догадаешься. Спустились к пещере, съели по куску вяленого мяса, распределили золото, чтобы не тяжело было тащить. Старшой заложил вход нашего снежного дома и раскидал стенку.

– Не было нас тут, не было. Пошли? Как, Второй?

– Командуй, командуй. Эти горы тебя любят. Выводи нас отсюда. Выход из дела – всегда самое сложное.

13 ветряка 317 года. День. Северные отроги. Старшой

Больше всего я боялся, что ничего не получится. И с местом опозорюсь, и прочее. Когда спустились в долину и стало ясно, что надо здесь как-то ночевать, вот тогда и заработала моя упертость, не знаю, как это по-другому назвать. Давно за собой заметил, что, когда надо, могу впрягаться по полной. Вот и тут. Или ночуем и мерзнем, или что-нибудь придумываем. Поскольку никто ничего не предлагал, пришлось мне. И получилось.

Отвечать за других людей очень сложно. Но когда понимаешь, что, не сделав с их помощью что-либо, им будет еще хуже, тогда твое безделье нельзя оправдать ни страхом, ни боязнью ответственности. «Построил людей – отдай команду. Отдал команду – заставь сделать. Заставил сделать – ответ за все». Так вроде говорил отец моего друга.

Переночевали нормально. Даже с комфортом. Снежная пещера оказалась вполне теплым местом. Мужики храпели будь здоров. Сказалась и прошлая, почти бессонная ночь. Выспались.

Шахту ни за что бы не нашли. Если бы не Лиса. Повезло. Этот отнорок был очень хитро спрятан. И думаю, что его сделали не просто так, а чтобы можно было тихонько влезть, не повредив основного входа. Пришел человечек, взял что нужно и ушел так же тихо. Умно.

Больше всего поразил найденный медальон. Почти как мой, подаренный мне матерью умершего друга. Только выбитое слово было другим. Повесил на шею – не знаю, на счастье или наоборот. Но оставить его там, во мраке, не смог. Пусть будет, что будет.

Бойцы согласились не брать ни бумаг, ни оружия. Ха, наемники бросили вещей на сумму трех годовых заработков, непостижимо! Как смог их уговорить, не понимаю. Хорошо что Второй все мои приказы повторял кивком. Вот и после штольни приказал командовать дальше, хотя вроде бы все страшное кончилось.

– Выводи людей, это самое сложное.

13 ветряка 317 года. День. Северные отроги. Сержант

Это не то что самое сложное, это самое опасное. Все подлянки происходят на выходе. Вроде бы дело сделано и спокойно идешь домой. А тут все и начинается. Поэтому опытные люди празднуют победу, когда кони в стойле, а сам уже за родным столом сидишь с заслуженной кружкой в руке. И в кружке что-нибудь хорошее. И добавка будет. И закусить... Размечтался.

Будем надеяться, что эти горы действительно любят Старшого. Хотя сдается мне, что не в везении и не в удаче, так любимой Братьями, дело. Опыт, оказывается, не только

на своей шкуре шрамами и швами можно рисовать. Но и в голове держать, зная, как другие люди в подобной ситуации выживали.

Влезли на хребет, добежали до того места, где поднимались от лагеря. И все. Добега-лись. Лежит конь мертвый, один из наших, а рядом, с арбалетом в руках и двумя болтами в спине – Звень, наш молодой, полгода в отряде. И видно, что и люди, и лошади снизу влезли и ушли вниз по склону.

– Ну что, Старшой, – это ко Второму желчь вернулась, – как дальше командовать будешь?

– Плохо дело. Мне командовать?

– Ну ты за это дело взялся отвечать... – Второй непонятно, то ли шутил, то ли серьезно, то ли просто надо на ком-то раздражение сорвать.

– Тогда так. Лиса, Весло, вниз к лагерю. Там нет никого, просто посмотрите по следам, как дело было. Синий, вниз по хребту до среза по следам пройди, что там за поворотом видно.

– Почему нет никого? – Синий снял котомку, перебросил ножны вперед.

– Наши поднялись здесь и ушли вниз. Значит, и те за ними. Братья, Немой, давайте Звеня похороним.

– Так здесь одни камни вокруг, не продолбим.

– Долбить не будем, оттаскиваем от коня вот сюда. Так, и камнями заложим. Покрупнее, чтобы зверье не растащило.

Вот ведь, я бы сразу не догадался, что так можно. Пока ждали остальных, выложили аккуратную могилу. Красиво даже.

– Старшой, ты же в загробную жизнь не веришь, умер человек – и умер. Зачем ему теперь это?

– Это не ему, это нам.

– Не понял...

– Это нам. Чтоб каждый в отряде знал, что не бросят его, если что. Каждый должен знать, что не оставят его, что понесут, если раненый будет, а если помрет, то похоронят по-людски.

Во как. «Нам надо». Я хотел посмеяться, но, увидев, как Братья с Немым уважительно посмотрели на Старшого, промолчал. Второй тоже прикусил язык. Стареем, что ли? Не догадались. А надо было.

Вернулся Синий.

– Следы вниз так и уходят по хребту. Там еще два раза по столько, и снова вниз, не видно ничего.

– Хорошо, сейчас все вместе пойдем.

Скоро поднялись и Лиса с Веслом.

– Ну чего, мертвых нет? – Все боялись плохого ответа.

– Нет. – Весло одобрительно покосился на могилу. – Молодцы, а я все думал, что надо как-то похоронить.

– Не тяни контулуцкого тигра за... хвост; что там? – Второй забрал из рук Лисы ветку, завязанную узлом. – Ушли?

– Наши увидели кого-то. Время было. Спокойно погрузили барахло в сумки на лошадей. Телеги, видать, еще ночью сожгли. Пошли сюда. Здесь двое передовых их нагнали и коня ранили, кровь еще на середине подъема видна. Лошадка наверх залезла и сдохла. Звень с арбалетом, скорее всего, прикрывал. По крайней мере, эти внизу за камнями долго сидели. Потом обошли его, там по ручью два следа. Всего их было человек тридцать. И лошадей штук пять, но конные вниз ушли, наверное, чтобы следующую долинку снизу перекрыть.

– Надо торопиться, если догонять Старшину, не то сомнут. – Второй рассматривал ветку. – Главное, они не поняли, что мы разделились. К нам никто не пошел, все вниз рванули. Пошли.

Пошли. Побежали. Вниз-то легко, даже с пожитками. Ну с золотишком нашим. Вниз, вниз. Кусты пошли какие-то, но тропа пробита – будь здоров. Тех тридцать, да наших двенадцать. Конь тринадцатый. Старшина, видно, понял, что все от скорости зависит: ни привалов, ни обедов. Скоро тропа упала с отрога влево и выскочила на дорогу, по которой мы пришли. Старшина опять всех перехитрил. И от нас увел, и этим в тыл. Если от конных отбилась, то или до деревни добежит, или в лесу спрячется.

Оказалось, ни то ни другое. Весло, который бежал шагов на сто впереди, замахал руками и прыгнул с дороги. Мы тоже свернули в лес. Дошли до Весла.

– Чего там?

– Догнали. Сейчас посмотрим.

Вылезли по краю за поворот. Дорога вместе с речкой здесь стиснута двумя отрогами. В самом узком месте навалены несколько деревьев верхушками на дорогу. Перед засекой толпилось человек тридцать, ненужные лошади привязаны на опушке. На самой засеке лежали два человека, в позах: «А вот и я, боги, здравствуйте». Командиры штурмующих совещались перед дракой.

– Лиса, видишь вон того в рыжем панцире? – Старшой тихонько кивнул указывая.

– Да, а что?

– Если начнется, попробуй его из арбалета достать. Он тут главный.

– С чего ты решил? – Второй, не оборачиваясь, что-то считал, загибая пальцы.

– А у него единственного конь в сбруе такого же цвета. Вон отдельно стоит, и конюх с ним рядом.

– Точно. Лиса, подтверждаю. Значит, так. Сейчас они разделятся на группы. Одни влево полезут в обход, там поположе. Другие начнут штурм, а остальные будут ждать с арбалетами, чтобы наши высунулись из-за стволов. Надо, чтобы они выстрелили в нас, тут шагов сто. Не попадут и перезарядить не успеют.

– А если не выстрелят?

– Не выстрелят только опытные, остальные струсят и пальнут. Прикроемся щитами. Главное, не разбежаться после выстрела. Добегаем и встаем строем, и надо с этими на полянке покончить, пока из лесу первые ни вернутся. Ясно? Все готовы? Вот и они зашевелились. Пошли!

Ох и драка была! И Второй, вот что значит военный опыт, все правильно просчитал. Две трети остались перед засекой, мы подождали, пока ушедшие влезли на склон, и выскочили на поляну. Кони заржали, Весло свистнул своим неповторимым звуком, подавая знак Старшине. Противники развернулись к нам и почти одновременно выстрелили. Неучи. Мы разом присели за щитами, только пара болтов воткнулась в них, остальные – мимо. Рванули дальше. Не выстрелил только один, старый дядька в поношенной кирасе. Но Лиса правильно решила, что он опаснее командира, и выстрелила в него. Он отбил легко стрелу мечом, но отвлекся, и топор Немого припечатал его обухом в шлем. Мы уже добежали до нападавших, сохранив строй и без потерь.

А вот у них встать в строй не получилось. Во-первых, не было выучки, сброд – он и есть сброд. Ветеранов там было мало, да и те не приученные к строевой работе, хотя мечами махали будь здоров. Во-вторых, им в спины прилетели стрелы от наших молодых. Те спокойно прицелились, и многие попали. И началась свалка.

Наш строй все-таки был более выигрышным, несмотря на их численный перевес. Поначалу. Вскоре численность сравнялась, и строй распался. Я, Весло и Синий теснили

оставшихся к засеке, откуда уже перелезали наши. Второй в бешеном темпе рубился с рыжепанцирником. Вот где нашла коса на камень...

Братья принимали тех, кто подбегал на шум обратно со склона. Немой разобрался с конюхами и теперь успокаивал лошадей. Лиса с двумя перезаряженными арбалетами стояла за Братями. Влип, как всегда, Старшой. На его долю достались двое, и теперь они втроем кружились на дальней стороне поляны, звеня мечами. Следующие мгновения покажут, как мы его выучили. Оказалось, неплохо. Плюс к этому, Старшой вспомнил, как его учили фехтовать, и главное, правило рубки с несколькими противниками. Теперь он кружил, не давая прижать себя к лесу, закрываясь от одного противника другим и делая неплохие выпады.

Реальный бой отличается от учебного. Временем. Временем. И временем. Это на плацу можно долго рубиться, нападать и отражать. А в жизни – удар, отскок, выпад, и – либо ты пропустил, либо ты достал. И все: следующий! После пропущенного удара мечом, в любое место, обычно уже не строят из себя героя, а тихо лежат. Если шлем и панцирь спасут от смерти, то просто без чувств, если нет, то и бездыханные. «Зря я начал эту драку...»

– Старшина, следи за спиной!

– Понял, понял. Закрыться!

– Держим строй! Лиса, помоги Старшому.

А уже и не надо. Ты глянь, срубил обоих и бежит на помощь Второму. Но тот и сам управился. Командир в рыжей броне сидел, привалившись к дереву, зажимая разруб на ноге, откуда хлестала кровь.

– Кто вы? Чего хотели? – Второй держал меч у него перед глазами.

Тот снял второй рукой шлем, посмотрел на подбежавшего Старшого и захрипел, закрываясь рукой.

– Ты... Ты... Поздравляю. Передай Кузнецу, что он выиграл. – Он отнял руку от ноги, кровь хлынула из раны, лицо резко побледнело. Схватив за руку Старшого, он сжал ее из последних сил. – Скажи ей... Скажи... Я прошу прощения.

– Кому?

– Ей. Ты знаешь. Скажи, я не ведал. Прости...

Второй рукой он полез за пазуху, сдернул с груди амулет, стилизованный под наконечник стрелы, протянул Старшому:

– Отдай моему сыну.

Рука упала, рыжепанцирник закрыл глаза. Грудь еще вздымалась, но было понятно, что это конец.

Мы со Вторым усталились на Старшого.

– Ты его знаешь?

– Первый раз вижу... Там еще выбегают.

Выбегают, но с поднятыми руками. Сволокли всех убитых на поляну. У нас ранило Барсука, какая по счету его рана, уже и не помню. Кувалда мотал головой, ему в шлем прилетел арбалетный болт. Ничего, он кузнец, репа крепкая.

Подошел Старшина.

– Без потерь?

– Да. У вас?

– Звень. Нашли что?

– Мы его видели, похоронили. Нашли, знать бы что. Старшой расскажет.

Пленными оказались мужики из нижней деревни. По их словам, примчавшийся вчера благородный в рыжей кирасе в дополнение к своим десяти бойцам нанял всех желающих в деревне вместе со старостой за очень большие деньги. И все. След оборвался. Все деся-

теро вместе с командиром были убиты, мужик, который жил в верхней деревне и примкнул к отряду, тоже. Он, по-видимому, и стоял на пригляде и доложил о нас.

Заставили пленных копать могилу и хоронить всех. Поживились хорошей броней и оружием. У убитого командира нашли копию нашей карты, но без подробностей и помеченной шахты. Все сходилось. Узнать бы еще, кто это.

Пленные опасливо косились на нас. По-плохому или по-хорошему, надо бы их всех, конечно... чтоб не проболтались. Старшина потряс головой.

– Надо бы. Но, ты же знаешь: не будем.

– Надо тогда запугать как-то...

– Сходи со Старшим. Пусть наболтает, он сможет. А вы с Братьями – для устрашения.

– Хорошо.

Старшой хмыкнул, но ничего не сказал. Встал, пошел впереди меня. Пленные мужики сидели на краю поляны, посматривая на стоящих рядом Братьев и Лису с ее арбалетами. Увидев нас, поднялись.

Старшой подошел, встал перед ними и, ни слова не говоря, стал крутить головой, посматривая то на свежую братскую могилу, то на мужиков, то на нас с Братьями. И тишина. Мужики посерели, поняли, что все решается в их жизни. Ну, Старшой... ни слова не говоря, в такой страх вогнать! Мастер.

– Значит, так. Сейчас варите себе поесть. Ночуете с нами. Без глупостей.

Сзади раздался щелчок. Лиса с показным видом разрядила арбалет. Мужики сглотнули. Старшой снова покрутил головой.

– Завтра все идем вниз, в деревню. Своим и всем, повторяю – всем, кто бы ни спросил, будете говорить, что вы в лагере сидели и, что здесь творилось, не видели и не слышали. Староста кто?

– Там он, – махнули рукой в сторону холмика.

– Жаль. Его бы я повесил, чтоб своих деревенских не подводил под камень. Деньги вам дали?

– Задаток... – Мужики полезли по карманам.

– Оставьте себе. Сколько ваших легло?

– Семеро.

– Лиса, принеси им на семерых, сколько Второй даст; скажи, я попросил. Отдадите семьям, воины, еж вам в... одно место. И еще раз: никому, ничего. От нас через год человек придет, проверит. Все понятно?

– Понятно. Благодарим, уважаемый.

– Все. Разбирайте засеку, запаливайте костры.

Таким командирским голосом шипел – если бы я его не знал, сам бы штаны намочил. Где только нахватался? Пошли к своим.

Второй вертел меч командира.

– Всегда хотел что-нибудь легкое вторым клинком взять. Вот и нашел.

– А чего так не радостно?

– Так воин-то посильнее меня был. Еще бы чуть-чуть, и он бы мой меч разглядывал.

– Так ты ж его срубил, почему он сильнее?

– Он просто осматривался. Срубил бы меня сразу – вы бы на него накинулись. И от Лисы он мной закрывался. А достал я его потому, что он на коне привык драться, вот про ноги и забыл немножко. Там в сече на них поножи кавалеристские, а здесь нет. Ладно, как там Старшой говорит: «Будем жить, пока живы».

Я остолбенел: круче Второго в драке был, наверное, только Весло, но там установка на другое – прорваться и уйти.

– Панцирь его чего не взял?

- Слишком заметная вещь. Да и заслужил он в броне упокоиться.
- А меч?
- А оружие можно. «Я жив, пока мой меч видит солнце и кровь врагов».
- Ну-ну. Может, как Старшой, нам вечером стихи считаешь?
- Ты знаешь, куда тебе пойти...

15 ветряка 317 года. День. Северные отроги. Лиса

Эти поиски и большая драка многое изменили в отряде. Я вспоминаю, как отец набирал молодых парней на службу в егеря, когда наступала необходимость. Обычно это переходило от отца к сыну, но бывало и так. Всегда шла притирка старых и молодых, и кто-то уходил, и кто-то возвращался, и кто-то погибал от браконьерской стрелы или от зубов и клыков хищника. И вот наступал момент, обычно после большой облавы на людей или охоты на зверя, когда егерская застава становилась одним целым.

Попыталась это рассказать Сержанту и Старшому.

Сержант вспомнил, что в армии тоже так.

– Притерлись друг к другу просто.

Старшой покивал головой:

– Легче жить, когда знаешь, что тебя прикрывают по бокам и сзади. Семья тоже ведь для этого. Спокойствие наступает: все свои, можно доверять. Сержант вон только сейчас стал спать, когда молодежь в карауле; ведь так?

Сержант усмехнулся и кивнул, покрутив башкой. Жуткое зрелище для непривыкших. Где ж такие шрамы можно получить...

– Семейка, ежа контулуцкого им в задницу, – Сержант почесал репу, – осядем где-нибудь, детишек нарожаем.

Мы со Старшим рассмеялись, он-то весело, а я через силу, детишки – это здорово, мне, наверное, это теперь не грозило. А хочется.

9 капеля 317 года. Утро. Северная дорога. Старшой

После удачи с золотом в шахте Старшина перестал брать совсем мелкие заказы. Нанимались только по-крупному. Но таких наймов становилось все меньше и меньше. Караваны ходили со своей постоянной охраной, в городках навели какой-никакой порядок.

Пару раз видели даже небольшие воинские отряды с корроннскими флажками на пиках. Один из отрядов пытался даже прищемить нас, приняв за разбойников, но вышедшие вперед Весло с Сержантом развеяли их опасения. Молодой командир, с только пробившимися усами, даже вскинул руку в приветствии, проезжая мимо нас. Отряд тоже состоял почти полностью из молодежи, в новенькой броне, на лошадях одной масти. Проезжая мимо, они с гонором держались в седле, но косились на наши пыльные мятые кирасы и неуставные сбруи у каждого.

Сзади ехали двое ветеранов, с повисшими усами и в потертой, выдавшей виды броне.

– Куда, бойцы? – окликнул их Старшина.

Те хотели промолчать, но, внимательно посмотрев на куртку Старшины, все-таки ответили:

- В Брони, в караул.
 - Как там столица? Ром не подорожал?
 - Дешевеет, наоборот. Еле держимся, – засмеялись они.
 - Без ран! – крикнул им вслед Старшина.
 - Без ран! – откликнулись они на это воинское пожелание.
- Я догнал Сержанта.
- Что вы им сказали?

Весло усмехнулся, не ответил. Сержант, как обычно, покрутил головой, надел шлем.

– Солдат солдата завсегда понять может, а в строю он или в отставке – все равно, – голос его дрогнул.

Весло снова усмехнулся. Похлопал Сержанта по плечу:

– Ты еще в строю, вояка.

– Знаю. Мы в строю, пока не закопают.

– Старшой, ты ему сегодня почитай что-нибудь веселое, а то не заснет еще, расплачется.

– Хорошо, веселое так веселое.

Почитал. Но не веселое. «О доблестной гибели корроннского отряда при защите замка Корр, не сдавшегося и не спустившего флаг, погибшего, но заставившего кондрекоров откаться от захвата Южной провинции; записано со слов последнего живого участника – сержанта отряда, умершего впоследствии от ран, во славу порядка, чести и достоинства нашего народа». Сильная вещь. И эпизод с флагом. И с предателем. И с голодом. И с самопожертвованием солдат. Очень правдиво, с множеством деталей, которых я не понимал, но ветераны радостно узнавали и с одобрением хмыкали. Даже Второй не комментировал ехидно по привычке, а внимательно слушал, чему-то согласно кивая головой.

После окончания повести – смерти последнего воина – Лиса чуть не заплакала. Старшина одобрительно покряхтел:

– Да, почти как у нас в Морском походе. Человек знал, о чем пишет.

Ветераны закивали. Допили кружки и начали вспоминать военные байки. Молодежь с открытыми ртами посматривала на них. Я отошел, сел рядом с Лисой и Сержантом, который в течение всего времени не сказал ни слова. Он грустно посмотрел на меня, покрутил головой, потрогал свои жуткие шрамы на черепе и неожиданно тихо, очень тихо сказал:

– Не так все было. Совсем не так. – Встал и вышел.

Мы с Лисой, остолбенев, переглянулись. Она всхлипнула и бросилась за Сержантом. Не может быть...

9 капеля 317 года. Вечер. Северная дорога. Сержант

Не так все было, совсем не так.

Нет, ну общая канва, конечно, выдержана. И детали тоже. Но вот ощущение...

Помню, как мы впервые вошли в замок. Замок Корр. Замок, в котором никогда не было балов, торжеств, музыки и веселья. Замок, который строил не вассальный барон для собственного жилья и охраны от соседей. Здесь сосед был только один. Кондрекоры. И вроде такие же люди, как мы. И городки у них, и замки такие же. И девки красивые, и бойцы отменные. Только других людей за людей не считают. Мы для них даже не рабы и не скот, а так. Перед мором корроннский герцог их приструнил. Вот как раз после осады замка Корр.

Замок? А что замок? Стены, бойницы. Внутри то же. Стены, бойницы. Ни одного улыбающегося лица. Ветераны смотрели на нас с жалостью. А мы уже тогда были не желторотыми юнцами. По несколько кампаний у каждого за спиной. А по сравнению с ними – как дети малые. Там были военные походы. Тут было выживание. Никакого плена. Никаких переговоров. Или ты увидел первым и выстрелил, или тебя относят со стены со стрелой в шее.

А уж когда осада началась, там вообще такое веселье началось... Боялись они наш гарнизон в тылу оставить, чтобы на простор вырваться. Могли, конечно, обойти и по всей Южной провинции порезвиться. Но знали, что мы отсиживаться не станем и сожжем их ближайшие городки дотла. В наказание. Тогда только так было. Голова за голову. Корроннский герцог так их потом к миру и приучил. Выстрелили из-за стены – все, извиняйте, сами

разбирайтесь, кто это у вас такой горячий. После того как всех, у кого арбалет в доме нашли, похороните и их дома потушите.

Вот. А поход у них большой намечался. Мы их и держали. Держали и думали, успел ли гонец ускакать с весточкой о нападении или его схряпчили по дороге. Оказалось потом, что он уже раненый, без руки и без коня по степи два месяца от кондрекоров бегал. Убежал, на наше счастье. Егерь, боги ему в помощь. Добежал, да и помер потом от ран. Я позже, когда Весло нашего встретил, за того парня и проставлялся. Думал, хоть этому раненому егерю помогу. Как опознал? А не знаю. Какие-то общие повадки, что ли. И точно оказалось.

А дальше и рассказывать нечего. Кровь, кровь и кровь. Все три месяца – как одно жуткое нескончаемое побоище. Лезли они не переставая. Одни отдыхали, а другие – на штурм. Первую-то стену они быстро заняли. Не ожидали мы, что их столько подойдет. И началась рубка в переходах. Ни нам не выйти, ни им нас не придавить. Веселуха. Человеческого и в нас ничего не осталось. А в них и не было. Как дикие звери, уже не мечами, а зубами грызли друг друга. Помню, мы с одним сцепились, так два дня бегали. То я от него, то он от меня. По всему замку. И ни наши, ни кондрекоров к нам обоим не лезли. Хотя любой мог пристрелить. Понимали, что это уже не война, а принцип. И когда я его наконец-то достал и его головой с ревом над своей башкой крутил, весь в крови, нашей с ним общей крови, никто не отреагировал даже. Все точно такие уже были. Звери. Одна тварь съела другую. И все.

И что? Все. Перебили всех. Нас всех. Звери кончились. Остались трупы.

Флаг? А что флаг... Над воротной башней висел. Видать, больно им наша красно-васильковая расцветка не нравилась. Хотели свою, черно-желтую, повесить. Вот еще на неделю и задержались. Я там как раз еще с тремя ранеными валялся. С тех пор и мечтал о кольчуге, от которой стрелы отскакивают. Спасибо Старшому, избавил от комплексов. Конечно, поднимаешь труп на копье над парашетом, и сразу в нем, как в контулулукском ежике, пятнадцать болтов во все стороны торчат.

Как наши прискакали, я уже и не видел. Говорят, что и своим еще два дня не открывал. Потом уже кто-то влез и отомкнул. Так я успел до него доползти и ногу прокусить. Сам не помню, конечно, рассказали потом.

Вот тогда всех и примирили. Мечом и огнем. А потом – мор. Теперь вроде тихо, но, думаю, ненадолго. Начнут потихоньку пакостничать, уже наверняка. На большую войнушку народу нет, а так – пожалуйста.

А места красивые. Жаль, моря я так и не увидел. А всего в двух переходах-то замок от побережья. Южное море вроде бы совсем другое, чем у столицы. Хотя вон Старшой говорит, что на севере еще красивее. Не знаю.

Какую награду дали? Дурачок. Жизнь! Что еще надо?

30 жменя 318 года. Утро. Каррг. Старшой

Наутро приехали монахи. Как обычно, наглые, спесивые и... и... Ну не люблю я их, что поделать. Нет, в университете было множество умных монахов-книжечеев, ученых и литераторов, но они составляли отдельную касту. Я не про них. А эти...

Долго разговаривали со Старшиной, ругались. Второй пару раз даже выходил на воздух, делая вид, что за водой для командирского чая. Так мы и поверили... Отряд развалился во дворе на солнышке, ожидая команды. Весеннее солнце впервые пригрело по-настоящему, все разнежилось, даже на лице Немого появилось подобие улыбки. Удивил всех Сержант. Собрал первые мать-и-мачехи и сплел из этих маленьких желтеньких, пахнущих весной цветочков, добавив обычную зеленую травку, сумасшедшей красоты венков. Не обычный, кольцом, а похожий на шикарную корону. Надел на Лису. Все заулюлюкали. Но по-доброму. Лиса

все равно покраснела, но венки не сняла, и села на бочку, как на трон, чем заслужила косые взгляды монахов-конюхов, стоящих возле своей повозки.

Наконец монахи вышли. Старшина со Вторым вышли их проводить. Неслыханное дело. Чтобы сам командир оторвал задницу. Дело, видать, было стоящим. Монахи уехали. Старшина посмотрел на нас, греющихся на солнце.

– Вот ведь твари ленивые... Командир вышел: хоть бы кто-нибудь задницу приподнял! А, так у нас тут баронесса Лита в диадеме сидит на троне. Тогда, конечно, что же ради меня, грешного, вставать. Сидите-сидите, баронесса разрешает.

– Что такой благодетель, командир? Монахи к себе забирают наконец? – Синий выглянул из-за бочки.

– Нет, дурень. Тебя продаю им, на вечные времена. Там отучишься зубы скалить. Так, Сержант, Весло, Второй – пойдем пошепчемся. Почему этого балбеса продавать. Старшой, ты тоже. Ценник напишешь. Немой, тебя не звали.

Второй, как всегда, покосился на меня, но ничего не сказал. Расселись за столом. Я прошел к подоконнику, хмыкнул. Немой уже сидел под окном, привалившись к стене дома.

– Чего там монахи, Старшина? – Весло не любил тянуть тигра за хвост.

– Расскажи им, Второй.

– Во, нашел крайнего.

– Ладно, ворчун. Короче, монахи предлагают провести большой караван. В пустошах его сейчас формируют. Провизия, скарб и прочее с тамошних монастырей – сюда. Боятся, что там все разворуют, а тут они уже оклемались, опять в силу вошли. Перебазируются, в общем.

– Там просто людей совсем нет, а здесь уже есть кого дурить, – не выдержал я.

– А нам все равно, заплатят – и славно.

– Вот это самое главное. Ни разу не слышал, чтобы монахи кому-нибудь что-нибудь заплатили. «Мы помолимся за тебя, раб божий» – вот и вся плата будет.

– Ты, Старшой, чего такой злой сегодня? Зря тебя пригласил. Я им цену сказал, ответили...

– Ну и чего ответили? «Все в руках божьих»? Так?

– Тьфу на тебя. Заплатят, куда денутся.

– Только туда и обратно топать месяц, а у нас здесь работа еще, бросать нехорошо. – Второй вытянул ноги. – Делиться будем?

– Придется. Мы с тобой идем, они требовали весь отряд, нас точно запомнили. Кого еще?

– Чтобы не заморачиваться, надо взять только старых, – встрял Весло. – Тут спокойно, оставим молодых с приглядом, справятся.

– Раз монахи помощи запросили – значит, там, куда пойдем, не все так просто, народу надо побольше, почти всех ветеранов придется брать.

– Всех и возьмем. Кого только здесь оставим с молодыми? – Второй переводил взгляд с Весла на Сержанта.

– На них не смотри, они точно пойдут. И Братья, и Пекло, и Синий, и Барсук. Все нужны.

– Тогда кого?

Сержант хмыкнул.

– Тогда чего решать? Оставим всех молодых под Старшим. Пусть барахтаются.

Я поднял голову.

– Ну чего, Старшой, справишься? – Старшина глядел на меня из-под мохнатых бровей.

– Справлюсь. Только еще раз говорю: с монахами надо держать ухо востро. Ладно, если просто не заплатят, так еще и под монастырь подведут.

Шутка понравилась.

– Ага, хорошо бы под женский. Только после мора их не осталось, говорят. – Старшина взялся за свою кружку. – Значит, решили. Оставляем Старшего со всеми молодыми. Пусть тут в городке сидят, на охране, барон и так думает, что тот мой заместитель, мы к нему вместе ходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.